

Влада Евангелија

ШРАМЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Влада Евангелија

Шрамы

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Евангелија В.

Шрамы / В. Евангелија — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-99785-1

Глубоко в лесной чаще спрятан бункер. Когда-то мужчина, покрытый шрамами, принес сюда новорожденную девочку, чтобы укрыть ее от враждебного мира. Ива выросла, не видя солнца: ее жизнь ограничена убежищем и обществом ее опекуна. Но время идет, и бетонные стены не могут спасти от пробуждающейся страсти. Воздух вибрирует от напряжения, и скоро прогремит взрыв, который разнесет жизни обитателей бункера на мелкие осколки... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99785-1

© Евангелија В., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Первая часть	5
Ива	5
Близна	7
Прошлое: Близна	9
Ива	11
Прошлое: Близна	13
Прошлое: Ива и Близна	15
Прошлое: Близна	18
Прошлое: Близна	21
Прошлое: Близна	24
Прошлое: Ива и Близна	27
Прошлое: Близна	29
Прошлое: Близна	33
Ива	34
Прошлое: Близна	36
Прошлое: Близна	39
Близна	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Влада Евангелија Шрамы

Первая часть

Ива

Звуки его шагов отдаются эхом. Этой ночью монстр снова приходит ко мне. Он наклоняется и тихо произносит мое имя. Я закрываю глаза – мне известно, что последует за этим.

Монстр нежен. Его пальцы не причиняют боли. Иногда мое тело отказывается повиноваться мне и подчиняется ему – льнет ласковой кошкой, выгибаясь от наслаждения. Это его радует. С каждым ударом, в точности совпадающим с биением моего сердца, раздается громкий полустон-полувздых. Монстр хочет проникнуть еще глубже, и я позволяю ему. Я предпочла бы, чтобы он брал меня силой, покорял, вынуждал сопротивляться, биться под его тяжестью, жадно засасывая воздух в сжавшиеся легкие, но он зацеловывает мои щеки, шею, губы, думая, что совращает меня этими невинными ласками. Ему нравится мысль о том, что я соединюсь с ним по своей воле. Я поднимаю руки, капитулирую, – мне не надо ничего делать. Голова кружится от его запаха: табак, спиртное, и что-то еще – не иначе как аромат ада на кончиках волос.

Я одурманена.

Я схожу с ума.

Монстр извергает потоки лавы, она брызжет мне в лицо, в глаза, в распахнутый в крике рот.

Все.

Я открываю залепленные лавой веки и спрашиваю:

– Ты принес?..

И вместо ответа – бокал солоноватой алой жидкости, освежающей воспаленные губы. Я молитвенно воздеваю руки, благославляя монстра, который терзал меня так долго. Его глаза – зеленые, конечно, зеленые – становятся прозрачными. По бессмысленной ухмылке, кривящей губы, понимаю – он пьян. Больше, чем обычно. Сытая, расслабленная, я лениво вожу взглядом по мужскому лицу, столь сильно похожему на мое. Сегодня он красивый. Бросаю небрежно:

– Люблю тебя.

Эхо разносит мои слова по бункеру. Монстр достает нож и просит меня вырезать эти слова над кроватью.

– Чтобы ты не забыла.

От водки он становится сентиментальным. Впрочем, я и правда, все забываю. Лезвие оставляет глубокий след на побелке, белый порошок сыпется на простыни и одежду монстра. Буквы выходят угловатыми и некрасивыми, а от осыпавшейся побелки я буду задыхаться кашлем несколько дней.

– Дай сигарету.

Он достает пачку, протягивает мне. Я беру сигарету и наклоняюсь к огоньку подставленной зажигалки. В свете пламени его лицо выглядит намного соблазнительнее, чем в мерцании галогенных ламп.

Мучай меня

терзай

заставь ненавидеть тебя

я хочу чувствовать

ХОЧУ ПОМНИТЬ
НО СНОВА ВСЕ ЗАБЫВАЮ

Близна

Они сидят за столом друг напротив друга: мужчина и девочка. Бункер заполняет совершенная тишина, только тихо гудит система вентиляции. Снаружи давно день, светит солнце, золотит листву, путается в волосах и слепит глаза, но в просторном зале нет окон – только под потолком горят галогенные лампы, делая кожу обитателей бункера еще бледнее, до зелени воды в наполненной ванне. Обстановка не располагает к изысканности, но на столе стоит хрустальный графин с водой, у тарелок лежат свернутые тканые салфетки, столовое серебро отполировано до блеска.

Ива сидит преувеличенно прямо, Близна учил ее, что именно так сидят настоящие леди. Но она не леди, и вряд ли ее можно назвать настоящей – это сознает мозг, но не вытянувшееся в струнку тело. Его память сильнее всего. Оно помнит, как Близна вставал сзади, клал руки на плечи и мягко разводил их в стороны. Когда результат удовлетворял его, он целовал Иву в макушку и садился на свое место напротив нее. Положительное подкрепление – один из двух китов, на которых зиждется дрессировка животных, детей и женщин.

Сиди прямо.

Держи нож в правой, а вилку – в левой руке.

Ешь молча и с закрытым ртом.

Угадывай мои настроения.

Говори, когда я хочу слышать твой голос.

Исчезай, когда я этого пожелаю.

Принадлежи только мне.

Он смотрит, как Ива облизывает губы, и чувствует эрекцию. Под глазами девочки залегли тени бессонной ночи, волосы собраны в высокий хвост, толстый белый свитер скрывает фигуру, состоящую сплошь из неглубоких впадин и хрупких косточек – если бы не густо обведенные тушью глаза Ивы, ее можно было бы принять за ученицу младших классов. Близна не знает точно, сколько ей лет, – на память нельзя полагаться, но больше не на что: в бункере нет часов и календарей – значит, и времени тоже нет. Не меньше шестнадцати, это точно. Близне на двадцать лет больше.

Эрекция становится настойчивее, поле зрения сужается до одной точки: кончика красного языка, скользящего по припухшим губам. Близна ставит локти на стол (не повторяй этого, Ива, леди так не делают), упирается лбом в ладони. Шрамы на запястьях приветствуют его, подмигивают, как старому приятелю. Ива спрашивает:

– С тобой все в порядке?

Он слышит, как она поднимается, отодвинув стул, встает за спиной. Не прикасайся ко мне, не стой так близко. Ты пахнешь, как сука. Ты пахнешь грехом. Умоляю, не трогай меня.

– Почему ты не ешь?

Он не может пошевелиться. Она кладет ладонь на его голову материнским жестом – Близна сам делал так, когда Ива болела, но никогда в его прикосновениях не было столько ласки и заботы. Он перехватывает девичье запястье, прижимает его к губам. Желание слишком сильно и жестоко, и со временем не стало глуше. Близна целует тонкие пальчики: сустав за суставом, впадинки между костяшками, обкусанные ногти – проводит по ним языком, берет в рот и обсасывает, как новорожденный теленок. Ива смеется от щекотки, говорит:

– Что ты делаешь?

Близна представляет, как они выглядят со стороны. Красавица и чудовище из сказки. И если в красоте Ивы можно усомниться: слишком бледная, слишком хрупкая, с вечно сонным выражением на остром личике – то уродство Близны бесспорно. Он напоминает незаконченную скульптуру: кусок камня, в котором, приложив немного фантазии, можно увидеть чело-

веческие черты. Шрамы покрыли его тело с ног до головы: рубцы от ремня, от ножа, следы рваных ран; выпуклый, как знак азбуки Брайля, след от пули. Ива спрашивала о них, но Близна мало что мог рассказать: многое забылось, переплелось с прочитанными когда-то книгами, увиденными фильмами и снами – а то, что осталось в памяти, не предназначалось для ушей девочки, пусть даже некоторыми шрамами он обязан ей.

– Я видела сон, – внезапно говорит она. Не в ее правилах начинать разговор об этом, так что Близна отпускает ее руку и резко поворачивается на стуле, смотрит на Иву снизу вверх. – А когда проснулась, на стене было вырезано “Я люблю тебя”.

Сейчас он стыдится своего мальчишества. Достаточно вспомнить тюрьму: сколько ребят оказались там из-за желания похвалиться, крикнуть целому миру, что они его поймали. Но признание Ивы застало Близну врасплох. Он почувствовал себя так, словно, и в самом деле, поймел весь мир. Словно кто-то взял огромную резинку, стер его прошлое и подтолкнул в спину: “Иди, парень. Теперь ты можешь все”. Сейчас, когда водка выветрилась из головы, Близна понимает, что слова Ивы, сказанные в полусне, не значили ровным счетом ничего. Это понимание похоже на пощечину. От эрекции не остается и следа.

– И кто же тебя любит? – спрашивает он, будто бы шутливым тоном.

Она не подхватывает шутку, смотрит на него серьезными зелеными глазами.

– Это я написала. Я написала, что люблю его.

В ее голосе звучит растерянность. Ива хотела бы задать множество вопросов, потребовать сделать мир вокруг ясным и прозрачным, как в детстве, когда Близна объяснял ей, почему светит луна, почему дует ветер и почему наступает зима. Но Ива больше не ребенок, и у Близны нет ответов на ее вопросы.

– В самом деле? – фальшиво удивляется он. – Ты любишь его?

Ива отворачивается, хочет уйти, но он ловит ее за руку.

– Прости. Я не хотел тебя обидеть. Это просто сон.

– Я не обиделась. – Она смотрит себе под ноги, волосы завешивают лицо. – Просто, знаешь... я думаю...

Близна ждет, пока она мучительно подбирает слова.

– То, что он делает... Иногда это хорошо. Очень хорошо. Если мне это нравится... я ужасная, да? Ужасная, как он?

Ива смотрит на него, ожидая ответа. Повисает долгое молчание. Близна повторяет:

– Это просто сон. Глупо обсуждать его всерьез.

Она вырывает руку и скрывается в коридоре. Он кричит ей вслед: “Ива!” – но она не отвечает. Близна отодвигает тарелку с нетронутым обедом и снова опускает лицо в ладони, долго сидит так, наконец встает и наливает себе водки. Он снова все испортил.

Прошлое: Близна

Близна – а в те годы, конечно, не “Близна”: дома он был “поросеньшем” и позже в школе – “жиртрестом” – родился, когда его мать была совсем юной. Ее родители умерли, когда она была совсем ребенком. Отец Близны увидел свою будущую жену сквозь кованую решетку приюта святой Агнесы – и черт знает, что в этой нескладной девице с тяжелыми, лениво опущенными веками могло привлечь двадцатилетнего парня, который после танцев никогда не уходил домой в одиночестве. Он презирал девок, которые прижимались к нему бедрами так, что он чувствовал застежки чулок под их юбками, и шептали накрашенными ртами:

– Позабавимся? Позабавимся?

Будь его воля, он не обменялся бы с ними и парой слов, но вечная тяжесть в паху требовала облегчения. Они просили купить им выпивку, но он только хмыкал и говорил, что деньги достаются достаточно тяжело, чтобы тратить их на баб. Девицы угодливо хихикали, принимая его слова за шутку. Они верили, что грубость – лишь маска, и с ними наедине он откроет свою истинную натуру: конечно, чувствительную и алчущую любви. Но этого не происходило. Он спускал им между ног и тут же чувствовал отвращение, словно оно заполняло образовавшуюся внутри тела пустоту. Растрепанные волосы, размазанная по лицу косметика, густой запах духов, соприкосновение разгоряченных потных тел – все это было мерзко. Девчонка из приюта хотя бы не задавала вопросов и не просила остаться. Он мог переворачивать ее как угодно, щипать, дергать за волосы, награждать сильными шлепками – все принималось с тупой покорностью. Когда он скатывался с нее, она продолжала лежать с раздвинутыми ногами, как резиновая кукла, – и не двигалась, даже когда за ее любовником закрывалась дверь.

Близна был зачат во время одного из торопливых свиданий в прачечной приюта: с лица его матери ни на секунду не пропадало полусонное выражение – таким же оно было, когда в самый разгар полового акта в прачечную вошла директриса. В крошечной комнатке было совсем темно, только белые, как луна, мужские ягодицы быстро двигались вверх-вниз. Директриса надела очки, чтобы разглядеть скачущее во мраке пятно, и поняв, что происходит, вскрикнула, тут же зажав рот ладонью. Старая дева не часто видит совокупление так близко, даже если под ее патронажем находится добрая сотня девиц, у которых зудит между ног. Огонек свечи отразился в ее очках, словно ожидающее растлителя адское пламя. Растлитель вскопчил, прикрывая пах скомканными в кулаке трусами.

– Это не то, что вы думаете... Мы собираемся пожениться, – выпалил будущий отец Близны.

Директриса кивнула.

– Тем лучше для вас, молодой человек.

Если бы он отказался, она отправила бы его за решетку. На свадебной фотографии в безвкусной позолоченной рамке жених мрачно смотрит мимо камеры – лицо немного смазано от того, что он повернул голову, когда фотограф спускал затвор, а невеста (живот уже заметен под платьем) принужденно растягивает губы – из-за сонного выражения глаз улыбка кажется пьяной и бессмысленной.

Насколько Близна помнил, ничто не могло выбить мать из вечной дремоты. Это бесило отца: он переворачивал стулья, швырял тарелки в стену, отвешивал жене крепкие оплеухи – но даже это не могло стереть с ее лица непроницаемого выражения.

– Тупая корова, – говорил отец Близны. – Если бы не ты и не твой ублюдок, я мог бы добиться всего.

Но чего мог добиться человек, который не закончил даже среднюю школу и не держался ни на одной работе дольше пары месяцев из-за буйного темперамента, он не уточнял. Его вечная тяга стянуть то, что плохо лежит; закрутить темное дельце, обцыганить, не раз втягивала

его в неприятности, но ему как-то удавалось выйти сухим из воды. Иногда он скрывался неделями, а потом появлялся дома – еще сильнее похудевший и непривычно молчаливый. Однажды его притащили домой незнакомые мужчины: на лице маска запекшейся крови, ребра сломаны. Вызвать врача было нельзя, мужчины суетились вокруг отца, просили то воду, то тряпки, то бинты, и мать подавала необходимое с таким видом, словно происходящее вовсе ее не касается.

Ей было немного за двадцать, но она сильно отличалась от студенток того же возраста, которые приходили к Близне в школу, сидели на последних партах, записывая что-то в блокноты, а потом раздавали полоски цветной бумаги и спрашивали детей, какой цвет нравится им больше всего. Близна всегда выбирал красный. У матери был красный фартук, завязки впивались в складки на боках, почти пропадая в них, – после родов она сильно прибавила в весе и в следующие годы раздалась еще больше. Фартук означал, что скоро на столе появятся блинчики или пирожные, или пирог, или печенье, и все печали отойдут на второй план: знай набивай брюхо, слизывай крем с пальцев, впивайся зубами в пышное тесто и не обращай внимания на стекающий по подбородку сироп. Если счастье имеет вкус, оно сладкое, не сомневайтесь. Десерты заменили матери Близны молитвы, к которым ее приучили в приюте, – они несли покой и утешение, а слой жира смягчал удары, шипки и шлепки, которыми щедро одаривал ее мир в лице мужа.

Ива

Иногда я представляю, как уйду из бункера после рассвета. В моих мечтах я не слепну и не покрываюсь волдырями ожогов – я иду по залитой солнцем улице, заказываю в кафе горячий шоколад и пью его на террасе, разглядывая прохожих. Иногда они проходят мимо, иногда – улыбаются мне, мужчины приподнимают шляпы в приветственном жесте.

Знаю, я никогда не выйду на солнце. Я подхожу к зеркалу и долго смотрю на свое отражение, сравниваю его с женщинами из фильмов. Я бесцветная. У меня белая до прозрачности кожа, никогда не знавшая солнца, и пепельные, будто выцветшие, волосы. Только глаза зеленые, как у Близны. Он говорит, что этот цвет я получила от матери, и мне приходится верить ему на слово – своей матери я никогда не знала. Ни ее, ни других людей, только его; всегда, везде – только он. Словно мазок темно-зеленой гуаши на пустом холсте. Близна утешал меня, когда я плакала; развлекал, когда мне было одиноко; учил читать и писать, приносил игрушки, кисти и краски, книги, диски для плеера, покупал одежду, а когда я стала постарше, – косметику. Я выхожу к завтраку – вижу его, перед сном он заходит ко мне пожелать спокойной ночи. От него всегда пахнет лабораторией, сколько бы времени он ни проводил в ванной, и я не могу представить своей жизни без этого запаха. Поэтому все люди в моих мечтах пахнут растворителями, спиртом и веществами, названия которых я не знаю.

Мне знакомы только два запаха: лаборатории – хотя Близна никогда не пускает меня внутрь – и леса. Мы выходим в лес по ночам, когда солнце не сможет нам повредить. Я не боюсь темноты и вхожу в нее как в прохладную чистую воду, пока Близна запирает дверь бункера. Все здесь принадлежит только нам. В детстве я спрашивала Близну, есть ли еще такие, как мы: те, кто не выносит солнца и выходит только по ночам, – но он не смог ответить – если и есть, он их не встречал. Мы лежали в снегу и двигали руками и ногами, чтобы остался отпечаток, похожий на ангела. Сверху нас укрывало усыпанное звездами темно-синее небо. Близна сказал:

– Когда-нибудь ты захочешь уйти от меня.

Я замерла с раскинутыми руками и ногами, похожая на синюю звезду в своем зимнем комбинезончике.

– Нет! Не говори так!

Лес вернул мой крик эхом, Близна только приложил палец к губам: тише, тише.

– Я никогда тебя не брошу, – прошептала я.

Он ничего не ответил. Мы поднялись на ноги, и на снегу остались два ангела: один побольше, второй – совсем маленький. С каждой следующей зимой мой ангел рос, и мы больше не говорили о том, что однажды я могу оставить бункер и Близну.

Мы оба знаем, что этого никогда не случится.

Прошлой ночью монстр снова приходил ко мне. Близна уверяет меня в том, что это всего лишь сон, но я так не думаю. Монстр реален. Он оставляет следы на моем теле. Я не помню его лица, но в памяти остается желание. Оно неотвязно следует за мной и проявляется наутро надписями на стене, сладкой усталостью и залегшими под глазами тенями. Я отмечаю визиты монстра зарубками на спинке кровати, но иногда он не оставляет следов, а воспоминания – слишком зыбкая субстанция, чтобы полагаться на них всерьез. Всего дюжина отметин. Как давно это продолжается? Первую зарубку я сделала зимой, и снег давно растаял, снаружи намного теплее, чем в бункере. Я ловлю себя на мысли, что жду ночи. Жду монстра.

Мысли о нем посещают меня в самый неподходящий момент – например, когда мы с Близной садимся обедать и он смотрит на меня так, как никогда раньше не смотрел. Словно знает, насколько я испорчена. Словно видит меня насквозь... хотя что я говорю? Конечно, видит. Близна воспитывал меня с самого рождения, и теперь я, должно быть, ему отвратительна, хоть он и не подает виду. Об этом несложно догадаться по тому, как он избегает при-

касаться ко мне. Будто моя кожа покрыта ядом. Когда я подхожу к Близне, он сжимается всем телом, закрывается от моего взгляда, прячется в самого себя. Я хочу спросить, неужели он, на самом деле, испытывает такое омерзение от моей близости, но боюсь, что он ответит “да”, – поэтому молча отступаю, резко меняю направление, притворяясь, что вспомнила о чем-то срочном.

Все изменилось. Близна проводит в лаборатории все больше времени, а я бездельно слоняюсь по комнатам. Когда я жалуюсь на скуку и одиночество, он говорит, что должен работать – денег нужно все больше и больше, но я знаю, что дело не в этом: наши потребности очень скромны. Мы отделились после того, как в бункере поселился грех и отравил нас, положил конец невинным играм. Мы больше не сможем оставить на снегу отпечатки, похожие на ангелов.

Свет гаснет. Я ложусь в постель, надеясь, что сегодня монстр снова придет ко мне и в этот раз я запомню то, что он делает со мной. Может быть, тогда я пойму, почему так томлюсь по нему.

Я хочу помнить. И это желание куда мучительнее детских фантазий о горячем шоколаде в летнем кафе и о мужчинах в шляпах-“борсалино”.

Ведь я знаю, что никогда не выйду на солнце.

Да и мужчины, кажется, давно не носят шляп.

Прошлое: Близна

Путь на кухню лежит через комнату, из которой доносится бормотание телевизора. Близна может вообразить себя покорителем вершин или капитаном корабля, который нужно провести между рифами, – но морские бездны и снежные лавины не представляют такой опасности, как сидящий перед телевизором человек. Аромат свежей выпечки щекочет ноздри, рот наполняется слюной. Близне представляется гора теплых булочек, посыпанных сахарной пудрой: впейся зубами в пышное тесто, почувствуй, как сладость обволакивает небо, закрой глаза и забудь обо всех бедах: о криках “Жиртрест!”, впивающихся в спину; о топоте ног за спиной и боли в груди, когда убежать уже нет сил. Ешь, пока переполненный желудок не разбухнет, но и тогда не останавливайся, ешь, пока с блюда не исчезнет последняя булочка, а потом вылижи тарелку начисто. Желание непреодолимо, оно притупляет страх и чувство опасности, подталкивает, нашептывает на ухо. Близна загадывает, что если будет идти, ставя ноги очень прямо, и ни одна половица не скрипнет, то доберется до кухни невредимым. Сейчас он отважный канатоходец, балансирующий над замершей в восхищении толпой. Когда он входит в комнату, отец даже не поворачивает головы в его сторону, увлеченный телешоу. Самый сложный и ответственный отрезок пути канатоходца – между диваном и телевизором. Быстрая барабанная дробь, люди внизу перестают дышать. Шаг. Еще один. Звучит голос:

– Куда это ты собрался, поросеньш?

Полет вниз длится меньше мгновения, вокруг распластанного на брусчатке тела собирается толпа. Самое интересное впереди. Отец ждет ответа, но Близна не решается открыть рот. Любой ответ будет засчитан как неверный.

– Я задал вопрос. – В голосе появляется раздражение. К небритым щекам отца приливает кровь.

Близна делает незаметный шагок в сторону кухонной двери. Если сделать их достаточно много, можно добраться до кухни, вотчины матери, куда отец вряд ли сунется. Здесь у него есть все необходимое: телевизор (пульт лежит под рукой, как монарший скипетр), пара бутылок пива и костыль – нет нужды покидать удобный диван.

– Отвечай!

Первый удар костыля обрушивается на плечо Близны, он вскрикивает. Даже со сломанными ребрами и трещиной в ступне отцу не составляет труда заставить “поросеньша” врасплох. Худое быстрое тело всегда готово к рывку, к удару – к любому движению – лишь бы одержать верх. В этой жизни нельзя позволять плевать на себя, и в своем доме он не допустит ни малейшего неповиновения.

– Я научу тебя уважать отца! – Следующий удар сбивает Близну с ног, он лежит на полу, закрывая голову руками. Воображение рисует ему проломленный череп, кровь и мозги растекаются по доскам, а потом, если он останется в живых, – кресло-каталка, ослизлые овощи и каша, струйка слюны, соединяющая уголок безвольного рта и лацкан больничного халата. Близна визжит от ужаса. Отец откидывает костыль в сторону, опирается на разбитую ногу, но, кажется, совсем не чувствует боли. Сверху, из сияющего в темноте экрана доносится женский голос: “Ты в безопасности в эти дни”. Что бы ни имелось в виду, к Близне это не относится. Его лицо липнет к грязным доскам, он растекается по ним, больше всего на свете желая ртутью скрыться в щелях, стать невидимым и неуловимым.

– Ты будешь отвечать, когда тебя спрашивают! – кричит отец, и одновременно с криком раздается свист рассекающего воздух ремня. Железная пряжка опускается на спину Близны, рвет ткань футболки, а вслед за ней – кожу. – Визжи, поросеньш! Визжи, я сказал!

Он визжит – не потому, что ему велят, а потому что боль взрывает тело, проникает сквозь слои жира и заполняет его целиком. Между ног становится мокро, моча течет по трясущимся,

как желе, ляжкам, впитывается в крашенные доски. Отец наступает в лужу босой ногой и вскрикивает от отвращения.

– Жирная тварь! – Он наносит еще несколько ударов, но не таких точных – чтобы снова не вляпаться в мочу, ему приходится держаться на расстоянии – и тяжело опускается на диван. – Вставай, зассанец, и пиздуй отсюда. Не ссы, не трону.

Отец смеется над собственными словами, повторяет: “Не ссы, зассанец”. Близна осторожно поднимается на ноги. На полу остается влажный отпечаток. Отец говорит:

– Скажи этой манде, чтобы прибрала тут.

Разорванная кожа на спине саднит, прикосновение пропитанной кровью ткани раздражает рану еще больше. Близна весь мокрый и липкий от пота, крови и мочи – положи на гладкую поверхность, и он приклеится к ней намертво.

Мать стоит у окна, жует булочку. Сахарная пудра оставляет белые следы на подбородке и красном фартуке, но женщине лень смахнуть их. Она чувствует присутствие сына за спиной, но поворачиваться не хочет. Она слышала крики из комнаты, но только сделала радио погромче. Играла песня на английском – из всех слов понятно только “Калифорния”. Вмешиваться глупо. В конце концов, он сам виноват – ни к чему было раздражать отца и лишний раз показываться ему на глаза. Что до нее, она прекрасно научилась появляться и исчезать в соответствии с пожеланиями мужа.

Близна хотел бы уткнуться лицом в широкую спину матери, чтобы слезы впитались в ткань платья; обхватить руками мягкий живот, почувствовать тепло. Но не может заставить себя даже приблизиться к ней: от нее волнами исходит отвращение. Он знает: она никогда не хотела его. Появившись на свет, он все испортил. Булки на блюде еще теплые, он берет сразу две, откусывает от каждой по кусочку.

– Мам, – говорит Близна. – Там надо прибрать.

– Где “там”? – Она продолжает смотреть в окно, голос звучит раздраженно. Что этот пизденыйш опять натворил?

– У отца.

Она шипит сквозь зубы. Если сложить все время, когда она чистила, стирала, мыла и убирала за другими, выйдет несколько лет. Кто-то тратит несколько лет на занятия любовью, выбор платьев, туристические поездки, а она проводит их на коленях, уничтожая грязные пятна. От чистящих средств кожа на ее руках сходит хлопьями, зудит и осыпается, покрывая все предметы в доме слоем пыли. Муж ненавидит пыль. Он тычет матери Близны в лицо потемневший кончик пальца, спрашивает: “Что это?” – хотя прекрасно знает что. Кулак врезается в живот, жир смягчает удар, но она все-таки сгибается пополам от боли. Остается надеяться, что сорвав зло на сыне, он уделит ей меньше внимания.

– Иди в свою комнату.

Близна берет еще несколько булочек, мать наконец поворачивается к нему и резко окрикает:

– Положи на место!

Иногда ей кажется, что если предоставить этому ребенку достаточно еды, он будет жрать, пока у него не разорвется желудок. Он не выпускает булочки из грязных рук, ей приходится дополнить окрик подзатыльником.

– Кому сказала?

От него разит мочой. Ему уже семь, скоро он пойдет в школу, а она по-прежнему должна вытирать за ним лужи. Мерзость. Мерзость. Мерзость.

Прошлое: Ива и Близна

Вечера они проводят перед телевизором. Антенны в бункере нет, Близна покупает диски для плеера, пришедшего на смену старенькому видеомагнитофону. Продавцы в ночном киоске охотно помогают с выбором фильма, хотя их и удивляют вкусы этого странного мужчины. Такие, как он, всегда спрашивают о новых боевиках, исторических картинах, где персонажи в красивых костюмах занимаются тем же, чем и герои боевиков: дерутся и трахаются – и, конечно, клиентов ночных киосков интересует порно. Оно запрещено, но продавцы извлекают из-под стола коробки с дисками, раскладывают их перед клиентом, чтобы он мог выбрать из названий вроде “Обжигающая женушка” или “Стажерки в службе горничных”. О, ночные продавцы могут многое рассказать о пристрастиях бессонных горожан. Послушайте истории об искателях снаффа или детской порнографии – потных, покрытых прыщами извращенцах, предлагающих огромные деньги за фильм с настоящим убийством или изнасилованием ребенка. Но даже если такое можно достать, то, конечно, не у скучающего в ночном киоске студента.

Близна не потный и не прыщавый, но продавцы частенько предлагают ему “кое-что пожестче”. Он качает головой и берет с полки старые черно-белые фильмы: комедии с Мэрилин Монро или что-нибудь из Хичкока. Никто не решается назвать его так в лицо, но за глаза продавцы прозвали его “Леоном-киллером”. Они были бы удивлены, если бы узнали, насколько он близок к этому персонажу, – разумеется, за исключением заказных убийств и цветка. Цветов в бункере не было, если только Ива не приносила букет с прогулки, – но из-за холода они быстро увядали. Только Ива могла цвести под галогенными лампами – и она расцветала день за днем, пока не превратилась из ребенка в девушку. Но Близна ничего не замечал. Они по-прежнему каждый вечер располагались перед маленьким телевизором с выпуклым кинескопом, Ива по-прежнему полулежала на диване и перекидывала ноги через бедра Близны, и он не находил в этом ничего предосудительного. Он был уверен, что она навсегда останется ребенком, крохой, едва достающей ему до ключиц.

На обложке диска изображен слащавый блондин, за его спиной разливается огненное рассветное солнце. Ночной продавец клялся и божился, что фильм хорош.

– Не понравится – приноси. Поменяю на другой.

Каждый из этих юнцов был не только синефилом, но и психологом. Они видели клиентов насквозь и, сколь неожиданными ни были бы их рекомендации, они всегда попадали в цель. Близна купил диск с блондином – может быть, Иве понравится, она любит мелодрамы – и взял для нее помаду и тушь в круглосуточном универмаге. Она хочет быть как женщины в кино: тяжелые веки, густые черные ресницы, алые губы – а он не может отказать ей в этом невинном желании. Ива давно забросила игрушки, и Близне становилось все труднее баловать ее. Продавщицы в отделе косметики услужливо выворачивали помады из патронов, чертили жирные красные и розовые линии на собственных руках, спрашивали: “Какой подтон кожи у вашей жены?” – и были безупречно вежливы и так же безупречно вежливо игнорировали женщин-покупательниц, что пытались отвлечь их от Близны. Он не знал, какой у Ивы подтон кожи. Он вообще не знал, что у кожи бывают подтона: в искусственном свете все кажется зеленоватым, а в темноте ночного леса – синим или черным. “Примерно такой же, как у меня... Вообще, эээ... знаете, я дочери хочу подарок сделать”. Продавщицы умиленно всплескивают руками, спрашивают, сколько лет его дочери. “Эээ... пятнадцать?”. У такого молодого мужчины такая взрослая дочь! Возьмите пробники мужской парфюмерии – для вас, и миниатюру для девочки, очень хороший свежий запах, попробуйте, вам нравится? Женщины в очереди недовольно фыркают: вечно эти девицы пляшут вокруг случайно зашедших мужиков, а на постоянных покупательниц им наплевать. Близне неловко от такого внимания, он вздыхает с

облегчением, когда выходит на ярко освещенную фонарями и фарами проезжающих автомобилей улицу.

Когда он вручает ей пакетик с логотипом парфюмерного магазина, Ива радостно взвизгивает и убегает в ванную. Возвращается с алыми губами, благоухающая "очень хорошим свежим запахом", – прекрасная нимфетка: не женщина, но и не дитя – спрашивает:

– Тебе нравится?

Он кивает и целует ее в макушку.

– Очень. Давай смотреть кино.

Близна выключает свет, и телевизор сияет в темноте, как неведомый высокотехнологичный аппарат из будущего. Фильм оказался скучноватым и наивным, но Иву, кажется, захватила судьба красавчика с обложки, упакованного в непроницаемый кожаный костюм и такую же маску с прорезями для глаз и рта. Красавчик не выносил ни солнечного, ни электрического света, поэтому должен был носить экстравагантный наряд. Полуправда, которую Близна преподносил Иве, воплотилась в старом, времен его детства, малоизвестном фильме – так, пожалуй, можно поверить в коллективное бессознательное. Обычно говорливая – с ней невозможно было посмотреть ни один фильм из-за ее постоянных вопросов и рассуждений – Ива не произносит ни слова до самых финальных титров, когда покрытый ожогами блондин уезжает навстречу рассвету.

– Как ты думаешь, – говорит она. – Это того стоит?

– Что "это"? – спрашивает Близна.

Она подносит пальцы к накрашенным губам, замолкает, подбирая слова.

– Жизнь на солнце. Среди людей. Это стоит того, чтобы стать уродом? Чтобы умереть?

– Нет, Ива. Это того не стоит.

– А есть что-нибудь, что стоит?

Он не хочет об этом думать. Вылазка в универмаг и полтора часа югославо-американской мелодрамы слишком утомили его.

– Не знаю, малыш.

– Но ты мог бы ради меня выйти на солнце? – Она смотрит на него испытующе, не отводя взгляда; зеленые глаза ярко блестят в полутьме.

– Ради тебя я прошел бы по солнцу пешком.

Она обвивает его шею руками, прижимается щекой к свитеру. Близна не чувствует тяжести Ивы на своих коленях, она почти бесплотна – маленькое длинноволосое привидение, доверчиво прильнувшее к его груди.

– Значит, ты меня любишь?

– Люблю.

Она выпрямляется, неуловимым движением поворачивается к Близне и вдруг присасывается губами к его рту – это поцелуй, такой, как она видела в фильмах: когда герой и героиня прижимаются друг к другу открытыми ртами и шевелят губами, словно по-рыбьи беззвучно беседуя. Близна хочет отстранить девочку, но его пальцы наталкиваются на ее грудь, приподнятую тесным бюстгалтером. Он не успевает понять, что делает, как стискивает ее, ласкает сквозь свитер. Член Близны становится твердым, упирается между ног Ивы, она трется об него, постанывает, не прерывая поцелуя. Даже через несколько слоев одежды они чувствуют друг друга. На экране телевизора мигает логотип подключенного видеоплеера, освещая все ярко-синим цветом; потом он гаснет, и комната погружается в темноту.

Язык Близны исследует рот Ивы, пробует ее слюну на вкус – и следует признать, что это самое восхитительное лакомство в мире. Ива. Его Ива. Близна забывает обо всем, в голове одна мысль: рядом женское тело, прекрасное и доступное; он хочет подмять его под себя, овладеть им. Ива отстраняется, чтобы глотнуть воздуха; приближает лицо к лицу Близны, шепчет:

– Я тоже тебя люблю.

Эти слова возвращают ему рассудок. Он открывает глаза. Если бы Бог существовал, он поразил бы его молнией, но в бункере по-прежнему темно, и даже его стены, кажется, не собираются обрушиться на голову Близны. Он мягко подхватывает Иву, сажает ее на диван рядом с собой. Ее длинные ноги в шерстяных чулках еще касаются коленей Близны, он отодвигается чуть дальше. Но что бы он ни делал, это не будет выглядеть невинно.

– Черт... Никогда так больше не делай.

Она тянется к нему, но он отстраняет ее.

– Почему?

– Просто не делай и все. Нельзя.

Даже в темноте он чувствует, как она обиженно надулась.

– Я не ребенок. Ты должен мне объяснить.

– Как раз потому, что ты не ребенок, ты должна сама понимать.

Обыкновенная взрослая манипуляция, но Ива поддается на нее и больше не задает вопросов.

– Пора в постель, – наигранно весело говорит Близна и тут же осекается. После того, что произошло, каждое слово, даже самое безобидное, звучит двусмысленно.

Близна долго не может заснуть. Он боится, что, как только закроет глаза, увидит Иву – ту новую Иву, которой раньше не знал. Близна может поклясться чем угодно: до этого дня она не была для него женщиной – только ребенком, младенцем, которого он принес в бункер много лет назад, – такой крохой, что казалось, она может поместиться у него на ладони. Он не был готов к тому, что однажды она станет взрослой.

Дверь тихо приоткрывается, Ива проскальзывает в спальню. Белая ночная рубашка светится в темноте, словно Близну навещает призрак.

– Не спишь?

Он качает головой. Лучше ей, в самом деле, быть призраком. Когда она во плоти так близко, он может захотеть снова прикоснуться к ней.

– Зачем ты здесь?

Ива опускает глаза. Он боится того, что она может сказать. Боится, что она обвинит его, – потому что, без сомнения, все, что случилось, – его вина.

– Ты сердись на меня? – тихо спрашивает Ива.

Он выдыхает с облегчением.

– Конечно, нет. Когда это я на тебя сердился?

Она улыбается и садится на кровать рядом с Близной.

– Можно я здесь буду спать?

Отказаться – значит показать, что он солгал. Все равно он не сможет объяснить Иве, что сердится и винит только самого себя. Поэтому говорит беспечно:

– С каких пор ты стала бояться спать одна?

Она подталкивает его в плечо, чтобы он повернулся к ней спиной; обнимает его сзади, прижимаясь всем телом. Близна может обманывать себя сколько угодно, но она больше не ребенок, а его собственные желания – не мимолетная вспышка. С этого дня он будет хотеть ее всегда. Ива шепчет:

– Я не боюсь.

– Тогда спи, – говорит Близна.

Ива затихает, обиженная его безразличием, и скоро он чувствует на затылке ее медленное сонное дыхание. Она не вспоминает о поцелуе ни наутро, ни на следующий день. Но все же с тех пор жизнь в бункере так и не стала прежней.

Прошлое: Близна

Отсюда до родного города Близны – три часа на машине. Он обращается к стриженному парню в спортивном костюме, небрежно облокотившемуся на выдавший виды Форд.

– Это ж через всю страну хуярить, – говорит парень. – Сколько?

Близна называет сумму – столько таксист зарабатывает за несколько недель.

– Садись.

Он садится на заднее сидение, прижимает туго спеленутый сверток к груди. Девочка спит, и Близна надеется, что так будет и дальше, пока они не прибудут на место.

Машина мягко трогается. На улице жарко, но в салоне работает кондиционер, распространяя приятную прохладу. Негромко играет музыка – какой-то местный рэп.

– Пацан? – спрашивает водитель. Близна видит его отражение в темных очках в зеркале заднего вида.

– Девочка.

– Ну тоже ничего. У меня самого девчонка. Элька. Жена хотела Вивьен назвать – насмотрелась штатовских фильмов – а я говорю: “Я – католик, я у себя в доме этого американского говна не потерплю”. Слышал, амеры хотят разрешить мужикам друг на друге жениться? Дерьмище, тьфу, – он символически сплевывает. – А твою как зовут?

Близна пожимает плечами.

– Пока что никак.

Имя ничего не значит. Свое он давно забыл – оклики его кто на улице, он и не оглянется. Но ребенку нужно имя, приличное католическое имя без всяких американских выкрутасов: Эльжбета или Александра, или Мария. Близна разглядывает крошечное личико с припухшими веками без ресниц. Оно не принадлежит ни Эльжбете, ни Александре, ни, тем более, Марии; оно вообще не похоже на человеческое лицо. Молоденькая, едва старше Близны, медсестра, передавая ему девочку, назвала ее красавицей – может быть, она и была красивой по меркам инопланетян и медсестер, но земному мужчине трудно это понять. Девушка добавила с улыбкой:

– Очень похожа на вас.

От ребенка пахло присыпкой. Сладкий приторный запах, словно держишь в руках свежую булочку с сахарной пудрой.

– Думаете, она моя? – спросил Близна.

Медсестра смутилась, захлопала длинными накрашенными ресницами и пробормотала в ответ: “Извините...”.

Неважно, на кого похожа эта девочка и чья кровь в ее жилах. Она принадлежит Близне с той самой секунды, когда он впервые взял ее на руки.

Водитель говорит, не переставая, в одном ритме с музыкой из магнитолы – про то, что женился только потому, что его подружка забеременела, про то, что не любит жену, но любит Эльку, что перестал спать с женой после рождения ребенка, что вечерами ездит к любовнице и хотел бы уйти к ней, но не может оставить дочь – и кажется, его совсем не волнует молчание пассажира.

Близна молчит. Вместо зелени за окном он видит бетонные стены, освещенные галогенными лампами коридоры, слышит негромкий гул системы вентиляции. Он ни секунды не сомневается, что Убежище ждет его.

Нет. Не только его.

Их.

Теперь он должен всегда говорить "мы". Теперь его судьба навсегда связана с судьбой безымянной малышки.

Из задумчивости его вырывает вопрос таксиста:

– Не слишком ты молод для папаша?

Близна – отец? Он не произносит это слово даже про себя. Мужчина никогда не может быть уверен в том, отец он или нет. У кого-то по свету бродят дети, о существовании которых он понятия не имеет, а кто-то воспитывает чужих щенков, уверенный в том, что они – его плоть и кровь. В детстве Близна представлял, что человек, который воспитывал его, не был его отцом и однажды в дверь войдет высокий мужчина (его лицо всегда оставалось в тени) и заберет Близну с собой. Позже он перестал об этом мечтать – кому нужен жирный трусливый мальчишка?

Близна касается гладкой, безволосой головки девочки. Неважно, станешь ли ты красавицей или останешься большеглазым уродцем, – ты не будешь знать зла. На твоей коже никогда не появятся шрамы.

За окнами мелькают однообразные поля, луга, перелески; мимо проезжают огромные фуры с местными и иностранными номерами. Таксист говорит:

– Все они сначала дрыхнут как ангелы. Лови момент, парень; это твой последний шанс выспаться.

Девочка, словно услышав его, открывает глаза – мутные и блеклые, несколько не похожие на зеленые глаза Близны, что бы там ни говорила молоденькая медсестра – и начинает кричать. Близна качает ребенка на руках, но дитя продолжает дико и пронзительно выть, рыдая без слез.

– Жрать хочет, – авторитетно заявляет таксист.

В сумке Близны только сухая смесь, и вокруг ни намек на человеческое жилище. Крик ввинчивается прямо в мозг, лицо девочки краснеет от натуги – теперь никто не назвал бы ее красавицей. Близна слышит в этом крике обвинение: "Ты обещал заботиться обо мне. Обещал любить меня, обещал сохранить от зла и боли. Но когда я голодна, ты не можешь меня накормить, не можешь сделать ровным счетом ничего".

– Сверни на обочину, – говорит он водителю.

– Нафига?

– Просто сверни. – Голос Близны звучит так, что с ним не хочется спорить. – И не обращайся.

Бог знает, что задумал этот пацан. Плохой идеей было взять его на борт, но тридцать лимонов старыми на дороге не валяются. С другой стороны, новую башку даже за такие деньги не купишь.

– Не делай глупостей.

– Не ссы, – коротко отвечает Близна.

Ребенок вопит, заглушая магнитола. Близна кладет девочку на сидение, осторожно придерживая головку; достает из кармана перочинный нож. Боли почти нет, только тихое неприятное жжение в запястье. Близна нажимает на разрез, и капля крови приземляется на губы девочки, окрашивая их в маскаратно-красный цвет. Плач прекращается, ребенок сосет кровь из раны – в руке появляется тянущая боль, голова становится легкой, как перед обмороком. Насытившись, девочка затихает и снова погружается в сон. Близна обматывает запястье платком, говорит:

– Поехали.

Замерший за окном пейзаж снова приходит в движение. Таксист не говорит ни слова, пока они не въезжают в город и Близна не просит остановиться в одном из жилых кварталов. Он расплачивается свернутыми в тугой рулончик двухсотенными. Водитель не пересчитывает, только машет рукой: дескать, бывай – и уезжает, подняв столб пыли.

Жара в городе невыносима. Всюду, куда падает взгляд, – пухлые женские плечи, пересеченные лямками бюстгалтеров; обгоревшая до красноты кожа с россыпью пигментных пятен, голые мужские ноги: слишком тощие или накачанные, крепкие, как окорока. Никто не обра-

щает внимания на мужчину с ребенком – все спешат по своим делам сквозь огненное полуденное марево.

Дорога к бункеру лежит через лес: там тихо, прохладно и нет ни души. В выходные здесь жарят шашлыки, из автомагнитол орет музыка, носятся полуголые, как дикари, дети, но сейчас слышно только пение птиц и шорох листвы. Близна вдыхает запах леса и закрывает глаза от наслаждения. Говорит девочке:

– Ну вот, мы почти пришли.

Но она спит и не слышит его. Он стирает пальцем пятнышко крови с ее щеки.

– Ты будешь счастлива, обещаю.

Счастлива. Близна слышит: “счастье” и “Ива”. Он пробует это имя на вкус: оно католическое и уж точно не американское. Близна еще раз проводит по бархатной детской щечке кончиком пальца.

– Ива?

Ива спит.

Прошлое: Близна

Он хорошо помнит день, когда впервые оказался в Убежище. Он стоит особняком среди прочих невыразительных дней, сливающихся в однородную бурую массу; его сияние ослепительно и ничуть не поблекло с годами, хотя Близна не выпускал его из памяти ни на секунду: смотрел на просвет, поворачивал так и эдак.

Это случилось под Рождество – в то зыбкое время, когда нервы взрослых взвинчены до предела. Десятки, сотни мужчин и женщин стоят в длинных очередях, проклиная себе подобных, которым тоже оказались необходимы гели для душа, перевязанные ленточкой; свечи, пластиковые статуэтки, открытки с готовыми пожеланиями. Взрослые строят планы на удивительную новую жизнь, которая поджидает их за углом двадцать пятого декабря или – самое позднее – первого января. В ней не будет места разрушительным отношениям, одиночеству, курению или ужинам после шести часов вечера, это будет та самая жизнь, о которой мечтают все, но никому не удастся приблизиться к ней и на шаг.

Нервозность взрослых передается детям. Они становятся невыносимыми. Им нужен именно тот робот, который есть у всех, – или именно те кеды или именно та игра. Вы не найдете того, что ищете, в магазинах. Не успеете вы договорить, продавцы отвечают: "Все раскупили". Вы проводите часы в Сети, потому что мысль о разочарованных детских глазенках, когда под елкой окажется *не тот* подарок, невыносима.

После того дня рождественские ожидания Близны сбывались с изумительной точностью: он ничего не ждал – и ничего не получал. Ни елки, ни праздничного ужина, ни подарков. Для его семьи Рождество было всего лишь очередным днем для криков и взаимной ненависти, может быть, даже подходящим для них побольше прочих. Отец Близны не понимал, зачем люди выкидывают столько денег на барахло; его раздражали очереди в магазинах, взрывы хлопушек, бездельники, переодетые в святого Николая; нищие, распеваящие рождественские гимны. То, чего он не понимал, бесило его – и он срывал зло на домашних (должен же быть толк от этих жирных ничтожеств?), хотя с удовольствием надрал бы зад каждому дегенерату с ватной бородой.

Близна узнал, что детям на Рождество дарят подарки, только в школе. Раньше ему удавалось избегать этого ненужного – а в его случае, даже опасного – знания. Одноклассники делились планами на каникулы, хвастались тем, что им подарит святой Николай: конечно, то, что они попросили в письме, – иначе и быть не может. Близна делал вид, что Рождество для него – обычное дело, семейная традиция, и, когда его товарищи будут поглощать праздничный ужин или разворачивать подарки, он будет занят точно тем же самым. Вечером за ужином, когда отец, казалось, пребывает в хорошем расположении духа, Близна спрашивает:

– Я могу написать письмо святому Николаю?

Отец поднимает голову, ложка с супом замирает на полпути.

– Кому?

– Святому Николаю. Хочу попросить у него конструктор.

Взгляд отца темнеет, перебегает от сына к жене, безмолвно спрашивая ее, кто забил голову ребенка этим рождественским дерьмом. Она поднимает ладони, защищаясь.

– Это все школа. Наш нахватался от тамошних избалованных деток.

Они называли его "наш" – он не заслужил имени или ласкового прозвища, только притяжательное местоимение, указывающее на его принадлежность этим двум людям. Отец кивает, словно ответ его удовлетворил, переводит взгляд обратно на сына.

– Значит, хочешь конструктор? – Голос обманчиво веселый. В нем слышится обещание: это здорово, ты найдешь под елкой самый прекрасный конструктор, мы будем проводить вечера, собирая из него разные вещи, – как поступают все отцы и сыновья.

Близна улыбається и кивает. Отец разжимает пальцы. Ложка летит в тарелку, поднимая фонтан брызг. Ржавые капли покрывают скатерть, несколько попадают на грязную майку и лицо отца – он вытирается тыльной стороной ладони.

– Скажи-ка мне... – начинает он шепотом, очень доверительно. – Откуда, по-твоему, я должен взять деньги на твой сраный конструктор?

Близна хочет отодвинуться, но отец хватается за ворот, притягивает лицо сына к своему. Из рта отца кисло пахнет супом, в зубах застрял кусочек курицы.

– Может, ты думаешь, я их печатаю? Может, у меня в подвале спрятан печатный станок для денег? Ну?

Ткань рубашки трещит. Мать досадливо морщится: вместо сериала ей придется пришивать оторванный воротник. Сколько раз она говорила: снимай форму, когда приходишь из школы. Но этому ребенку все как об стенку горох.

Близна мотает головой: конечно, он знает, что у них нет лишних денег, но у святого Николая их должно быть достаточно – пусть отец только даст ему пару монет на конверт и марку. Но сейчас не время просить.

– Кто купил тебе эту рубашку? Эти штаны? Трусы, носки, стул, на котором ты сидишь; еду, которую ты жрешь? Кто? Не смей молчать, когда я тебя спрашиваю!

Так и не дождавшись ответа, отец продолжает:

– Я! Каждый блядский день я работаю, как черт, чтобы прокормить двух ненасытных свиней, и что получаю в благодарность? “Папа, мне нужен конструктор!”. Ведь я нихера не делаю, сижу на заднице, так пусть от меня будет хоть какой-нибудь толк. Да?

Близна бормочет: “Прости” – большая ошибка с его стороны, потому что это только подогревает гнев отца.

– Что ты мямлишь? Вас в школе учат хоть чему-нибудь, кроме как клянчить деньги?

Ему только семь лет, он не знает хитростей, которые позволят ему обойти наказание. Об этом не пишут в учебниках, все приходится узнавать опытным путем.

ЗАПРЕЩЕНО ПЛАКАТЬ

ЗАПРЕЩЕНО ИЗВИНЯТЬСЯ

ЗАПРЕЩЕНО КРИЧАТЬ

ЗАПРЕЩЕНО ПРОСИТЬ

ЗАПРЕЩЕНО МОЛЧАТЬ

Он хотел бы научиться исчезать: переноситься во времени или становиться невидимым, сливаться с полом и стенами. Лучше попросить святого Николая об этом, это нужнее, чем конструктор. Отец тащит Близну в комнату. Мать ставит суп на плиту и включает радио.

– Сними рубашку, – говорит отец, доставая из шкафа ремень.

Сопrotивляться тоже запрещено. Близна расстегивает пуговицу за пуговицей так быстро, как только возможно; пухлые, неловкие пальцы дрожат, дергают ткань – получается медленно, слишком медленно. Он знает, что каждая секунда промедления превратится в удар.

– Долго ты будешь возиться, дрянь?

Отец швыряет Близну на диван. Обивка покрыта пятнами, в лицо тут же впивается миллион крошек хлеба и сухого печенья. Ремень со свистом вспарывает воздух и опускается на обнаженную спину. Крик тонет в поролоновом нутре дивана. Боль окутывает тело, покрывает кожу полностью, расправляется от макушки до пят. Близна визжит, как поросенок, которого неумело и мучительно убивают. Слова отца доносятся сверху, словно глас божий:

– За неблагодарность. За лень. За неуважение.

Ни один грех не будет забыт. За каждый проступок Близна расплатится воплями, болью и кровью. Он вдавликает лицо глубже в вонючую ткань, сопли забивают нос, так что он не может дышать, и голова становится легкой и пустой, под закрытыми веками расползаются красные круги, и он теряет сознание.

Близна приходит в себя в незнакомом помещении. Он с любопытством оглядывается, кричит: “Ээй?” – и крик возвращается к нему, отразившись от белых бетонных стен. Здесь тихо и пусто, не считая круглого стола из металла и закаленного стекла, рядом с ним – пара пластиковых стульев с подушками на сиденьях. Под низким потолком горят галогенные лампы – от их сине-зеленого света помещение кажется еще холоднее, чем есть на самом деле. Из-за стены слышно тихое жужжание холодильника и шум системы вентиляции. Близна повторяет: “Эй, есть тут кто-нибудь?” – но никто не отвечает. Он выглядывает в коридор, но там тоже ни души. Холод от голого пола проникает сквозь носки, и Близна переступает с ноги на ногу, зябко передергивается. Ему не страшно. Возможно, ему на помощь пришел святой Николай и перенес его в безопасное место – почему бы рождественскому чуду не случиться чуть раньше, если в нем так нуждаются? Близна делает глубокий вдох. Воздух здесь свежий и чистый, хотя в помещении нет окон и довольно тесно: десять квадратных метров – не больше. Но Близне так даже больше нравится – он привык забиваться в углы и в просторных залах чувствует себя неуютно: все время ждет, что кто-то бесшумно подкрадется к нему и крикнет в ухо, ударит по голове или пнет под зад. Он садится на стул, устраивается поудобнее на мягкой подушке, ставит локти на столешницу и с удовольствием отмечает, что может двигаться, не вздрагивая и не кривясь от боли. Какая роскошь. Он не хочет возвращаться назад. Здесь есть все, что нужно: он читал о бункерах – их строили для того, чтобы много людей могли безвыходно провести там несколько лет в случае ядерной войны или другого бедствия. А это помещение очень похоже на бункер. Значит, здесь можно ходить по комнатам, трогать вещи, валяться на кровати, оставлять обертки от печенья, молчать сколько пожелаешь, не опасаясь окрика: “Отвечай, поросеныш!” – и никогда не выходить на поверхность. Да, он, определенно, хочет здесь остаться. Вот посидит еще немного и обойдет свои новые владения: где-то должны быть кухня, спальня, ванная и туалет. Хорошо бы тут был телевизор. Близна тихо говорит:

– Я здесь главный.

Сверху звучит издевательский голос:

– Что ты сказал?

Стены Убежища растворяются. Близна хочет протянуть руку, чтобы ухватиться за что-нибудь: стул, столешницу, дверной косяк – но все становится прозрачным и тает на глазах. Нечестно, нечестно, нечестно! Наказание закончилось, ремень отброшен на пол, но Близна все равно кричит без слов, воет, захлебывается слезами и бьется всем телом. Отец одним движением разворачивает его лицом к себе, бьет по щекам вполсилы.

– Заткнись, ну! Убивают тебя, что ли? – В голосе звучит досада. В конце концов, поросеныш заслужил небольшую трепку, и нечего орать так, словно он спятил. Еще соседи сбегутся. В наше время все норовят сунуть нос в чужое дело, а во времена, когда отец Близны был мальчиком, то, что творилось за закрытыми дверями, за ними и оставалось. И никто не поднимал шума, если родители устраивали отпрыску нахлобучку, – это было обычным делом, необходимым злом.

Близна всхлипывает, сжимает кулаки, оттирает ими слезы с лица. Отец исчезает в светящемся проеме, оставив сына в одиночестве; хлопает дверью. В комнате темно. Близна шепчет:

– Я вернусь туда. Обязательно вернусь.

Прошлое: Близна

Вода с плеском разливается по крашенным в коричневый цвет доскам. Близна гонит ее дальше, налегает на швабру и бежит, скрипя подошвами кед по мокрому полу. Он не боится упасть – здесь нет никого, кто посмеялся бы над его падением или отпустил едкий комментарий о неуклюжем жиртресте. За последние годы Близна вытянулся и сбросил вес, но по-прежнему остался рыхлым и нескладным.

Вечером в школе никого нет. Он идет по пустым гулким коридорам – это не Убежище, но все же здесь он чувствует себя в безопасности. С тех пор, как Близна стал подрабатывать уборщиком после уроков, он может возвращаться домой после темноты, тихо проскальзывать в свою комнату и засыпать сразу, как только голова коснется подушки. Отец почти перестал бить его, когда он начал приносить деньги: ремень лежал в шкафу или поддерживал брюки отца, темные пятна крови на старой свиной коже стали совсем незаметны. Близна скребет шрам от пряжки под футболкой. В школьной бухгалтерии жалование отдавали отцу, Близна никогда не видел заработанных денег, но это его не огорчало. Часы тишины и уединения стоили намного дороже.

Он гонит воду по полу спортзала. Сегодня что-то мешает ему наслаждаться одиночеством: какое-то мутное пятно маячит на окраине сознания, словно пленка на глазном яблоке. Близна останавливается и прислушивается. Из комнатки тренера доносятся приглушенные голоса. Слов не разобрать, обладателей голосов Близна тоже не узнает – слышно только невнятное бормотание. Он замирает и ждет.

Дверь приоткрывается, и из комнатки выскальзывает тощий подросток в школьной форме. У него длинные светлые волосы, закрывающие половину лица, и пухлые, как у девушки, губы. Он мажет их гигиенической помадой, откидывает челку с глаз и наконец замечает стоящего посреди зала Близну.

– Привет, – говорит парнишка и подмигивает. Воспаленные губы, обведенные ярко-розовой каймой, влажно блестят. – Не поднимай шума. Я уже ухожу.

Близна не двигается с места. Он силится вспомнить имя этого манерного чудика – но оно не идет на ум. Парень проходит к выходу, покачивая бедрами, как манекенщица; у дверей оборачивается и машет Близне пальчиками на прощанье.

– Чао, милый. Еще встретимся.

Что он здесь делал так поздно? Близна в недоумении пожимает плечами и снова плещет водой на пол. Дверь тренерской снова открывается. На пороге стоит Юго.

Юго знали все. Капитан школьной команды по американскому футболу. Объект вожделения всех девчонок: от ногастых чирлидерш до парий в старушечьих туфлях. Высокий широкоплечий крашеный блондин с выбритой полосками бровью. Приехал в прошлом году из Югославии и до сих пор не избавился от акцента. Его имя состояло сплошь из согласных, поэтому даже учителя скоро начали звать его Юго.

Он замечает Близну, и подбритая бровь удивленно ползет вверх.

– Эй, пацан! Ты что тут делаешь?

– Без глаз, что ли? Пол мою.

Близне частенько влетало от одноклассников за дерзость, но он не переставал хамить. Подошвы кроссовок, летящие с разных сторон и врезающиеся в разные части его тела, не причиняли боли. Это было даже забавно – смотреть снизу вверх на потные от натуги прыщавые лица и ухмыляться, словно ему все нипочем.

Лицо Юго становится настороженным, глаза сужаются до двух щелочек.

– Ты что-нибудь слышал?

Близна усмехается, но ничего не отвечает. Дураку ясно, чем Юго и этот губастый педик занимались в тренерской.

– Подойди-ка сюда... Да не ссы, жирный, ничего я тебе не сделаю. Просто поговорим.

– Сам подходи, если хочешь.

– А ты наглый жиртрест... Ладно, я подойду, я не гордый. – Юго подходит к Близне. Они одного роста, хотя Юго на пару лет старше. – Ты что, думаешь, я пидор?

Близне плевать. Сам он к сексу равнодушен и не находит ничего привлекательного ни в округлившихся формах одноклассниц, ни в таких, как Юго или его дружок.

– Мне плевать, кто ты.

– Так что ты слышал?

– Ничего.

– Молодчина, жирный. Мужик. Мужики не разносят сплетни, правильно? – Юго со смешком хлопает Близну по плечу. Тот раздраженно отталкивает его руку.

– Я не жирный.

Юго смеется.

– Ну, парень, посмотри правде в глаза: ты жирноват. Смотри, каким должно быть тело. – Он расстегивает рубашку. Близна делает шаг назад, опрокидывает стоящее за ним ведро. – Бля, да не буду я тебя насиловать, не льсти себе. Ты непривлекательный.

Тело у Юго, действительно, красивое. Рельефные мышцы, рисунок вен на руках, гладкая кожа – почти безволосая, если не считать спускающейся от пупка вниз, за брючный ремень, темной дорожки.

– Хочешь небось такие банки? – спрашивает Юго.

Близна не может представить себя... таким. Но все же кивает.

– “Рокки” смотрел?

– Ну.

– Гну. Приходи перед занятиями на набережную. Я вижу, ты толковый пацан. Ну что, придешь? – Близна снова кивает. – У тебя как с учебкой?

– Нормально.

Он, действительно, хорошо учится. По химии и физике он первый в классе, только по физкультуре сплошные тройки – и те ставят из жалости.

– Притащу тебе задачник – сделаешь за меня домашку. Нихрена в этом говне не понимаю. В этой школе вообще не заботятся об интеграции. – Юго фыркает. – Ладно. В общем, завтра в шесть на набережной. Не опаздывай.

Он накидывает рубашку и направляется к дверям, застегивая на ходу пуговицы. Даже в школьной форме он выглядит как фотомодель. Близна окликает его:

– Юго.

Он оборачивается. В глазах вопрос: чего тебе?

– Почему ты... ну... с парнем? Тебе любая девчонка дала бы...

– Потому что проще по-быстрому ввалить за щеку педику, чем развозить сопли с девчонками: дарить подарочки, ходить в кино, держаться за ручки, терпеть их тупых подружек. А толку никакого, все равно не умеют нихера.

Близна должен признать, что в словах Юго есть резон. Если нельзя обойтись без этого, лучше сделать все быстро и без лишних привязанностей. Но, к счастью, перед Близной такая проблема не стоит.

Утром он просыпается задолго до звонка будильника, натягивает спортивный костюм, кидает в сумку школьную форму и тихо, чтобы не разбудить родителей, выскальзывает из дома. На улице холодно, ветер гонит по пустым темным улицам опавшие листья. В серых глыбах блочных домов не горит ни одного окна.

Что если Юго пошутил? Решил приколоться над сопляком-жиртрестом, и на набережной Близну встретит толпа улюлюкающих старшеклассников?

Смотрите-ка: Рокки собственной персоной! Что с тобой стало, Рокки, откуда у тебя такое брюхо? Эй, осторожнее, он еще в отличной форме! Последний раунд, Рокко, последний раунд!

Но все-таки он идет. У него не будет другого шанса измениться, и, если существует хоть крошечная вероятность, что Юго говорил серьезно, Близна должен идти.

Юго ждет его – и он один. На нем фирменный адидасовский костюм – куртка расстегнута, несмотря на осенний холод; под ней ничего нет, только голая, покрытая мурашками, кожа. Без единого шрама.

– До моста. – Юго показывает рукой вдаль, где в темноте виднеется крошечная светящаяся точка моста, и, не дожидаясь ответа, пускается бегом.

Близна бежит за ним. Кажется, он впервые бежит, не убегая от кого-то, а просто наслаждается движением – пусть даже через несколько минут заколет в бок и выбьет дыхание. Над водой плывут огни, все становится смазанным и далеким, только впереди в предрассветной дымке виден очень четкий, словно вырезанный из черной бумаги, силуэт. Он двигается легко и быстро, Близне не угнаться за ним, и силуэт почти исчезает в сумраке.

Зря они все это затеяли. Ему не стать таким, как Юго; надо смириться с тем, что из зеркала на него всегда будет смотреть рыхлый вялый толстяк, похожий на улитку без панциря. У Близны больше нет сил бежать, а мост еще очень далеко, он остается точкой на горизонте – недостижимой целью. Близна останавливается, сгибается пополам и ловит ртом воздух. Юго оборачивается:

– Э, Рокки, да ты спекся... – Он возвращается; не теряя ритма, скачет на месте рядом с Близной, боксирует с тенью. Его дыхание ровное и свободное, словно он прогуливается по парку.

– Зачем... тебе... я? – спрашивает Близна, пытаясь отдышаться.

– Мне нужен толковый пацан, врубаешься? – Юго говорит, не прекращая прыгать и наносить удары невидимому противнику. – Хочу одно дельце замутить.

– Какое..? – Вдох, вдох, вдох. Нужно так много воздуха для бешено стучащего сердца.

– Э, пока рано об этом. Давай, подорвался, до моста еще далеко.

Близна неуклюже переставляет ноги. Вдох, вдох, вдох.

Юго сует ему учебники и листок с заданиями.

– Сделаешь до третьего урока.

– Мы этого еще не проходили...

– А мне какая разница? Ты сказал, что соображаешь, так давай, бля.

Близна листает учебник. В принципе, ничего сложного там нет. Лучше забить на первые два урока и разобраться в задачах Юго, чем показать себя бесполезным сопляком. Он слишком хочет измениться, и теперь, когда у него появился шанс, отступать нельзя.

– Окей. Сделаю.

– Молодец, пацан. Кстати, как тебя зовут?

Это не имеет значения – его никогда не называли по имени. Он ухмыляется и говорит:

– Рокки.

Юго смеется и хлопает его по плечу. На этот раз Близна не отстраняется.

Прошлое: Ива и Близна

Нож поднимается и опускается, лезвие стучит о деревянную доску: тук-тук-тук. Ива стряхивает зелень в миску с салатом. Между краем платья-свитера и шерстяных чулок белеет полоска обнаженной кожи. Близна не отводит от нее глаз. Он хотел бы коснуться ее. Он хотел бы обладать ей. В ее теле – по-прежнему легком и хрупком – не осталось ничего детского. Она – женщина. Платье стало ей тесным: обтягивает бедра и грудь, задирается слишком высоко, когда Ива тянется к верхней полке. Во внешнем мире она училась бы в выпускном классе, танцевала в группе поддержки и ходила на свидания со студентами-первокурсниками. Возможно, когда-нибудь она возненавидит Близну за то, что он лишил ее этого. Возможно, когда-нибудь она захочет оставить его и уйти.

Ива резким движением головы отбрасывает упавшие на лицо пряди. Близна говорит:

– Завяжи волосы.

Она чистит головку чеснока, отвечает, не поворачиваясь:

– У меня руки грязные.

Он встает позади нее, собирает светлые волосы в хвост, открывая ямку на затылке; вдыхает ее запах. Кожа такая белая и беззащитная, так и тянет провести по ней пальцами. Но Близна может касаться только воздуха, трогать его, точно повторяя изгибы девичьей шеи.

Ива говорит:

– Расскажи о моей матери.

– Я рассказывал уже тысячу раз.

– Расскажи еще один. Какой она была? Какие у нее были глаза?

Близна не помнит. Когда он вспоминает мать Ивы, он видит светлые волосы, прямую узкую спину. Когда он пытается представить ее лицо, ее глаза всегда закрыты.

– Я не помню.

– Зеленые, как у меня? – подсказывает Ива.

Он кивает. Да, возможно. Разве это имеет значение? Разве недостаточно того, что он то и дело узнает в Иве ее мать – в мелочах, вроде поворота головы или мимолетной гримаски? Разве недостаточно того, что он увез ее, чтобы она не стала такой, как та женщина?

– Она любила моего отца?

Она не любила никого. Единственное, что делало мать Ивы счастливой – твердый член внутри. Это было то, к чему она стремилась и чего жаждала. Но Близна не может произнести это вслух.

– Не знаю. Да. Я думаю, да.

– Ты плохой рассказчик.

– Да. Прости.

– Она была красивая?

Когда-то он так не считал, но сейчас может признать:

– Да. Но не такая красивая, как ты.

Она улыбается и опускает глаза, делает вид, что поглощена нарезанием чеснока. Нож стучит по доске: тук-тук-тук. Раньше Близна никогда не говорил, что она красивая.

Ночью он должен пойти в круглосуточный универмаг и купить ей новое платье. Продавщицы будут осаждать его вопросами, предлагать примерить одежду, которую он выберет (ваша жена такая худенькая, на ней будет сидеть свободнее), снимать с вешалок прозрачные кружевные сорочки (потрогайте, очень приятная ткань). Он касается вещей, которые скоро будут касаться обнаженной кожи Ивы. Они пропитаются ее запахом, примут форму ее тела. Его ладоням это запрещено.

Близна пытается вспомнить, когда последний раз имел женщину. Это было еще до рождения Ивы. Его ладонь лежит на огромном животе женщины, внутри которого беспокойно толкается, словно в ответ на удары члена в матку, крошечное существо. Близна старается двигаться как можно медленнее, чтобы не навредить ему.

– Быстрее. Ей нравится. Она станет такой же блядью, как я.

– Не говори мерзостей.

Женщина стонет и поддает задом навстречу его члену, повторяет, не поворачивая головы:

– Быстрее. Ничего ей не будет.

Ива вскрикивает, отдергивает руку. Кровь из порезанного пальца капает на доску. Близна говорит:

– Тихе, тихе, я... – и, не договаривая, прижимает ее палец к губам, лижет ранку, пока кровь не перестает течь.

Прошлое: Близна

Близна лежит на матрасе и пускает дым в потолок. Пятна на побелке образуют узоры, похожие на карту: моря, океаны, материки – здесь есть все, чтобы отправиться в путешествие. Рядом слышно тяжелое дыхание Юго и звуки глухих ударов о боксерскую грушу.

– Близна?

– А?

– Как насчет спарринга?

– Шимон скоро придет.

Раны и ожоги еще болят. Чертова пробирка взорвалась ему прямо в лицо, и теперь оно тоже похоже на карту, по которой реками текут багровые полосы порезов и расплываются морями волдыри. Впрочем, сейчас Близна выглядит лучше, чем неделю назад, и похож на жертву автокатастрофы чуть меньше. Юго продолжает обрабатывать мешок.

– Он опять притащит Псину?

– Наверное. Если она еще не подохла.

– А если подохла, притащит новую.

– Надо же на ком-то проверять товар.

– Как думаешь, он ее трахает?

Близна пожимает плечами. Ему никогда не приходило в голову, что Псину можно трахать: ее тело было автоматом для уколов, таблеток и дорожек мета – и Близна подозревал, что внутри она набита сломанными иглами и ядовитым дерьмом. Как можно засунуть в это свой член?

– Разложим ее на два смычка?

– Что?

Юго двигается так быстро, что Близна видит его силуэт как размытое пятно. За его мыслями он тоже не может успеть. На два смычка? Псину?

– Ну, бля, не тупи. Трахнем ее вдвоем. Как? Deal?

Он мотает головой и делает еще одну затяжку. Столбик пепла достиг опасной длины, и Близна может думать только о том, сколько он еще продержится, прежде чем упасть на матрас.

– Возьми пепельницу, осел, – говорит Юго. – Спалишь нас к хуям.

– Ничего не будет.

В сквоте холодно. Кожа Близны покрывается мурашками, но ему лень подниматься за футболкой. После полугода в сквоте одежда висит на нем мешком: подростки, представленные самим себе, не слишком следят за питанием. На полу повсюду валяются упаковки от чипсов и конфет, но Близна и Юго все равно слишком худые: торчащие ключицы и ребра, обритые головы – машинка с жужжанием прокладывает себе дорогу, и обрезки волос падают на бетонный пол. Подметать здесь бессмысленно – проще спалить этот сквот до основания, чем превратить его в приличное жильё.

Снаружи начинается дождь. Капли долбят по карнизу, вода льется по подоконнику, капает на голову Близны, но он не двигается с места. На лестнице слышны шаги. Он должен встать и встретить Шимона – если, конечно, это он – но вставать не хочется. Он вообще предпочел бы не шевелиться и не говорить – просто лежать на матрасе и пускать дым в потолок. Без мыслей и слов. Только Юго заставляет его бегать по утрам, бить по мешку, выходить на улицу. Близна не протестует. Он обязан Юго всем. Если бы не он, Близна до сих пор мыл бы полы в школьных классах и терпел приступы дурного настроения отца. Он не видел родителей полгода, и, сдаётся, они не прилагали много усилий, чтобы найти его. В итоге все остались довольны тем, что однажды ранним утром Близна кинул в сумку кое-какую одежду, вышел из квартиры, тихо прикрыв дверь, и больше никогда не вернулся.

Идея Юго заключалась в том, чтобы варить “синтетику” на продажу. Он доставал ингредиенты, Близна – варил. Товар забирал Шимон – местный дилер.

Вот, кстати, и он. Стоит в дверях, за его спиной – Псина, прислонилась к косяку, словно тряпичная кукла, которая не может стоять прямо. По волосам стекает вода, платье перекрутилось, на колготках огромные дыры. Юго прекращает лупить по мешку, вытирается полотенцем, не отводя взгляда от Псины. Та смотрит себе под ноги, будто вокруг никого нет.

– Близна, принеси товар.

Он подчиняется. Тело заостенело от долгой неподвижности, затекшие мышцы дают о себе знать резкими болями то в одном, то в другом месте. Из другой комнаты он слышит, как Шимон спрашивает Юго:

– Что с Молодым? Машина переехала?

– Авария на производстве.

– Ясно. Значит, теперь он у нас “Близна”?

Юго хмыкает.

– Ну типа того. Видел же его рожу, – и продолжает, обращаясь к Псине: – Как ваши дела, леди?

Ее голос звучит низко и безжизненно, словно ей триста лет и она по горло сыта всей этой суетой вокруг.

– Есть вмазаться?..

– Сейчас будет.

– Вот когда будет, тогда и поговорим... Не еби мозги...

– А как насчет остального? Того, что не касается мозгов?

Она не отвечает. Шимон говорит:

– Ебанулся? Это же Псина.

– И что? Сам наверняка пользуешь ее.

– Юго, у тебя совсем колпак съехал. Я лучше хер в блендер засуну. Она же гнилая внутри.

– Да плевать. Псина, сделать тебе хорошо?

Близна появляется в комнате, как раз когда Псина переводит взгляд с носков своих кроссовок – когда-то белых, а теперь сплошь покрытых грязью – на Юго и говорит:

– Вмажь меня.

Увидев Близну, Шимон поднимается на ноги.

– Вот и святой Николай. Что принес?

Вместо ответа Близна показывает прозрачные целлофановые пакетики с “синтетикой”. Пока он готовит раствор, Псина подползает к нему и сидит у ног, заглядывая в глаза с собачьей преданностью. Он наполняет шприц, спрашивает:

– Куда?

Она вытягивает тощие руки, покрытые желто-зелеными синяками, шрамами и точками от укулов. Близна осматривает их на всякий случай, но и так видит, что подходящих вен у нее нет. Шимон говорит Псине:

– Раздевайся.

Она послушно скидывает кроссовки, зацепив носками задники; скатывает с ног драные колготки, снимает платье. Под ним ничего нет, кроме обтянутых кожей костей. Юго неотрывно смотрит на нее, под спортивными штанами четко выделяется эрекция. Близна и Шимон крутят Псину, ощупывают, заглядывают ей между ног. Она принимает их манипуляции безучастно, словно это тощее уродливое тело не имеет к ней отношения, словно она взяла его в аренду. Наконец Шимон восклицает:

– Нашел! – и зажимает пальцем вену над самой щиколоткой. – Давай сюда.

Близна вводит иголку в ногу Псины. Шприц наполняется кровью. Псина нетерпеливо стонет и ахает, когда Близна нажимает на поршень. Она разводит руки в стороны, запрокиды-

вает голову и стоит с закрытыми глазами, улетая высоко в небеса с алмазами. Близна и Шимон отходят, Юго занимает их место, кладет ладонь на щеку Псины.

– Посмотри на меня, – шепчет он.

Она открывает глаза, черные из-за расширенных зрачков. Юго и Псина замирают, глядя друг на друга, как влюбленные; его ладонь ласкает ее лицо и шею. Шимон хмыкает.

– Ты будешь меня любить?.. – спрашивает Псина шепотом. Зрачки закатываются под дрожащие веки, оставляя белую полосу вместо глаз. Юго говорит:

– Ложись.

Она опускается на грязный бетонный пол, растягивается на нем и закрывает глаза. Юго расталкивает носком кроссовки ее ноги и ложится между них. Близна брезгливо отворачивается, и Шимон хлопает его по плечу.

– Пошли, Молодой. Не на что тут смотреть.

Они выходят в другую комнату. По пути Близна краем глаза замечает, как тело Юго быстро двигается поверх безучастной Псины в ритме стучащих по карнизу капель.

Шимон садится на край матраса, достает сигарету. Близна следует его примеру. Они молча пускают дым, слушая стук дождя и шумное дыхание Юго за тонкой, пропускающей все звуки стенкой.

– Твой дружок – ебанат, – говорит Шимон. – Он бы и осиное гнездо трахнул.

Близна задумывается на секунду.

– Наверное, трахнул бы.

– Не суй хер в таких, как Псина, вот тебе мой совет. Вообще, тщательно выбирай тех, кого собираешься ебать.

Шимон старше Близны, ему, должно быть, не меньше двадцати. У него серьезный, внимательный взгляд, который не ожидаешь встретить у дилера, и красивые длинные пальцы. Возможно, в другой реальности он мог бы стать музыкантом или юристом, или бог знает кем еще.

Вздохи и стоны за стеной становятся громче и чаще, слышна бессвязная ругань – и наконец тишина. За ней следует короткая возня, и в комнату входит Псина – по-прежнему голая – и садится на матрас. Шимон сталкивает ее:

– Тут люди спят, между прочим. Подстели какую-нибудь тряпку.

Она оглядывается, ничего не находит и садится на пол, к ногам Близны.

– Дашь покурить?

Он протягивает ей сигарету, она делает несколько затяжек подряд и выпускает облако дыма.

– Как тебя зовут?

– Близна.

– А по-настоящему?

– Какая разница?

– Ну, я вот – Анжелика.

Шимон фыркает.

– Какая ты Анжелика, Псина? Кино насмотрелась?

Она обиженно замолкает. Близна говорит:

– За что ты с ней так?

– Думаешь, она заслуживает большего? Посмотри на нее: выглядит как говно.

Псина трется щекой о ноги Близны, он запускает пальцы в ее крашенные светлые волосы с черными корнями на макушке. На ощупь они влажные и неприятно жирные.

– Ты хороший... Хочешь, я тебе отсосую?

– Что я тебе говорил, Молодой? Она – настоящая помойка.

Псина тянется к члену Близны, сжимает его сквозь спортивные штаны. Близна отводит ее руку.

- Не нужно.
- Ты не хочешь меня?
- Мне это не нужно, – повторяет он.

Шимон говорит вполголоса:

– Ты толковый парень, что ты делаешь с этим идиотом Юго? Он втянет тебя в неприятности.

Близна думает о том, что варка “синтетики” приведет к неприятностям в любом случае, но не говорит этого вслух.

– Знаешь что? Нам надо пересечься без него. Есть одно место... Ты хороший варщик, мог бы работать на меня напрямую.

– Я работаю с Юго.

За стеной слышны шаги, они приближаются к комнате. Шимон бросает:

– Потом поговорим.

В дверном проеме появляется Юго. Штаны сползли на бедра, кожа влажно блестит. Он протягивает руку Псине, помогает ей подняться. На ее ногах следы засохшей спермы.

– Еще один танец, леди, – говорит Юго.

Псина покорно идет за ним. Шимон говорит Близне:

– Этот сквот рано или поздно “примут”. Я знаю одно место, где можно организовать лабораторию. Подумай над этим. Не тороплю.

Прошлое: Близна

Время давно стерло зарубки на деревьях, указывающие дорогу, но все же Близна без труда находит то, что ищет. Он может забыть свое имя, сегодняшнее число, но путь, ведущий в Убежище, надежно хранится в его памяти. Близна слишком долго ждал, когда сможет вернуться сюда. Тысячи раз он мысленно спускался в Убежище: в детстве, когда отец избивал его; пока мыл полы в школьном спортзале, во время прогулок в тюремном дворе. Он был здесь в своих мыслях, даже когда имел женщину – единственную в своей жизни. И вот, теперь он стоит перед металлической дверью, на его руках спит Ива, и от рая его отделяет одно мгновение.

На первый взгляд, здесь ничего не изменилось, хотя со дня, когда Шимон показал ему бункер, прошло несколько лет. Вход по-прежнему надежно замаскирован – непосвященному ни за что его не обнаружить, а те, кто знал о нем, сюда больше не вернуться. Впрочем, все равно нужно проверить, не пробрался ли кто-то на его территорию. Близна нажимает комбинацию на замке, слышит щелчок, и дверь приоткрывается на несколько сантиметров.

Он распахивает ее, кидает внутрь сумку, кричит:

– Ээй!

Проход отвечает эхом. Если в бункере кто-то есть, он выйдет на шум. Но никто не дает о себе знать.

Близна прижимает ребенка к груди, медленно входит в открытую дверь, не закрывая ее за собой, на случай если вдруг придется спасаться бегством.

Его опасения напрасны: в бункере никого нет. Близна проходит по комнатам, внимательно прислушиваясь, прежде чем войти: две спальни, кухня, столовая, ванная, несколько пустых комнат, которые Шимон хотел превратить в лабораторию. Тихо шумит вентиляция, мигают галогенные лампы. Близна поворачивает краны – из них идет вода, включает плиту – она работает. Убежище готово принять их. Он чувствует себя так, словно никогда не покидал этого места. Здесь не нужно говорить, не нужно даже думать. Пусть во внешнем мире время бешено крутится, пытаясь ухватить собственный хвост, – в Убежище оно вытягивается во фронт, не осмеливаясь шевельнуться. Здесь время перестает быть врагом, шулером с четырьмя тузами в рукаве, и становится незначительным и незаметным, как висящая на стене картина: все так привыкли к ней, что когда гости обращают на нее внимание, удивленно вскидывают глаза – ах да, мы совсем о ней забыли.

Ива посапывает в его руках. Он бережно опускает ее на кровать. Теперь его долг – заботиться об этой девочке, чтобы она никогда не кричала от боли, не убегала от криков в спину, чтобы ее глаза никогда не наполнялись слезами. Это будет нетрудно: в Убежище она надежно укрыта от всех, кто мог бы причинить ей зло. Она не унаследует ни судьбу Близны, ни судьбу своей матери. Он создаст для нее новый мир. Она не будет лежать на грязном полу сквота, погребенная под ритмично двигающимся мужским телом. Она не будет поднимать платье, пролизывая одними губами: "Трахни меня". Ива должна остаться невинной – поэтому она останется здесь, рядом с ним, навсегда.

– Ты будешь счастлива, – повторяет он шепотом, чтобы не разбудить ее. – Я обещаю.

Близна выходит, чтобы запереть дверь. Он бросает последний взгляд на залитый солнцем лес, щелкает замком, и мир замыкается внутри белых бетонных стен. Наступает тишина.

Ива

Монстр приходит ночью, когда я собираюсь ложиться спать. Я наклоняюсь поправить одеяло, а когда выпрямляюсь, он уже стоит передо мной – так близко, что я чувствую его дыхание на своем лице. Мы смотрим друг другу в глаза, и пространство вокруг раздвигается, как стены в кукольном домике. Мы оказываемся в центре пустоты.

– Ты чувствуешь это? – спрашиваю я шепотом.

– Да.

– Возбуждение?

– Да. Я чувствую. Ты будешь моей. Вне сомнений.

Он целует мою шею, прижимает к себе, и я содрогаюсь, всхлипывая и постанывая, цепляюсь за его плечи – вокруг темно, все тонет в темноте.

– Я падаю, боже, я падаю, – повторяю я, чувствуя, как слабеют колени.

Монстр держит меня, делает несколько шагов, и я упираюсь спиной во что-то твердое – стену, возможно. Откуда она могла взяться среди этой совершенной пустоты? Я вздрагиваю в руках монстра и повторяю: “Боже мой” – хотя Бог – не тот объект, о котором следует вспоминать в моем положении.

Мои ноги отрываются от земли, я зависаю между небом и землей, между стеной и телом монстра, сжимаюсь в крошечную точку, которая через мгновение расширится до целой Вселенной.

Он целует меня в губы, я отвечаю, пробегаю языком по его зубам, чувствую щель между верхними резцами – такую же, как у меня. В моем случае это только крошечная часть трещины, что разделяет меня на две части. Днем я – Ива. Ночью – игрушка монстра. Возможно, и он разделен на половины: одна из них мне известна, но вторая – нет. В кого ты превращаешься днем, монстр?

– Ты моя, – говорит он.

Я отвечаю: “Да”.

Я отвечаю:

– Я твоя. Вне сомнений.

Я могу говорить об этом свободно: ведь утром все забудется. Я могу даже двигаться навстречу монстру, закусывать пересохшие губы и стонать. Мне на глаза попадает надпись на стене: “Я люблю тебя”. Она покрыта новой побелкой и почти незаметна, но для меня она горит ярче, чем огненные буквы во дворце Валтасара.

– Я люблю тебя, – говорю я.

Я повторяю это снова и снова, взлетая и опускаясь, с каждым движением все быстрее: ялюблютебяялюблютебялюблютебялюблю... – пока монстр не обрушивается на меня всем телом, вжимая в стену. Он вздрагивает, и я вздрагиваю одновременно с ним. Монстр опускает меня на землю, я стою, прислонившись к стене, с закрытыми глазами.

– Дай мне... – прошу я и не договариваю. Монстр знает, что он должен мне дать.

Бокал наполнен густой, как сироп, алой жидкостью – я не даю ей названий, в этом нет нужды. Она прокатывается по моему языку, смывая вкус слюны монстра. Я развожу руки в стороны, и пол уходит из-под ног, словно я взлетаю. Потолок кружится перед глазами, я счастливо смеюсь и запрокидываю голову. Куда мне лететь? Здесь нет ни неба, ни звезд, ни луны. Монстр мягко касается моих губ кончиком пальца, стирая капли напитка. Потолок стремительно уходит вверх, и я не понимаю, что теперь сижу на полу и только стена, на которую я опираюсь, не дает мне упасть навзничь. Монстр приседает на корточки, заглядывает в мои глаза. Его лицо расплывается, превращается в мешанину цветных пятен. Прежде чем окончательно потерять сознание, я спрашиваю монстра:

– Ты будеш меня любить?

Прошлое: Близна

Шимон крутит в пальцах пробирку с густой красной жидкостью.

– Похоже на кровь. Поэтому A(II)Rh+? Как вторая группа?

Близна кивает. Название придумал Юго.

– Какая у тебя группа крови, Близна?

– Вторая положительная.

Юго выводит маркером на пробирке “A(II)Rh+”.

– Красиво?

– Очень.

Близне не терпится спросить, как подействовал препарат на Псину, но он сдерживает себя. Пусть Шимон сам скажет.

– Псина вырубилась. Проснулась через несколько часов, ничего не помнит.

– Совсем ничего?

– Как принимала – не помнит. Говорит, все как во сне. И сны какие-то охуительные. Что здесь?

– В основе – флунизепам.

– И какой от этого толк? Телкам в клубе подливать?

Близна пожимает плечами. Ему кажется, забвение необходимо всем. Он никогда не пробовал то, что варил, но A(II)Rh+ – принял. Юго описывал произошедшее так:

– Ты смотрел в стенку и скалился, потом вырубился. Больше ничего.

Сам Близна не помнил, как принимал препарат. Какие-то смутные воспоминания, сны – но они расплывались в памяти и не давали ухватить себя, навести резкость.

– Так возьмешь?

Шимон кладет пробирку на стол.

– Не знаю, кому это можно загнать. Нужны кайфы, врубаешься? А заснуть можно и от валиума.

– Валиум не стирает память.

Шимон морщится.

– Да без разницы. Я тебе еще раз скажу: нужны кайфы. Я не хочу продавать это мудакам, которые будут насиловать девочек. У меня есть младшая сестра – и если какой-нибудь гандон подольет ей в пиво “вторую положительную”, клянусь богом, я снесу ему башку.

– Как скажешь, Шимон.

– Ты толковый парень. Я говорю это не для того, чтобы подсластить пилюлю. Я серьезно. Слушай, я хочу тебе кое-что показать. Если после этого ты не захочешь свалить из сквота...

– Я не хочу отсюда сваливать.

– Блядь, не спорь со старшими. Поднимай зад, поехали.

Близна не уверен, что это хорошая идея. В последнее время Юго был недоволен Шимон: говорил, что тот продает товар слишком дешево и они могли бы обойтись без него. Ему не понравится, что у Близны с Шимоном какие-то дела за его спиной.

– Слушай, я должен сказать Юго...

Но дилер не дает Близне договорить: просто кладет ему руку на плечо и утягивает на улицу, где стоит выдавшая виды Вольво.

Они едут на окраину города, к лесу. Сегодня выдался прекрасный день: солнце светит так, что приходится опустить козырек; на небе ни облачка, дорога пустая, поэтому можно втопить педаль газа в пол. Шимон включает музыку и открывает окно, чтобы ветер свободно гулял по салону.

Hello hello hello how low

Hello hello hello how low

Hello hello hello how low

Музыка бьет по ушам, Шимон стучит пальцами по рулю в такт, подпевает. Близна ерзает на сидении. Ему не нравится эта идея. Шимон говорит:

– Да не ссы. Все нормально. Почти приехали.

Они выходят у леса. Шимон показывает Близне зарубки на деревьях, незаметные для чужого глаза.

– Говорят, этот бункер построили в восьмидесятые как убежище для какого-то мануфактурщика, который боялся ядерной войны. Оно давно заброшено.

Услышав слово “убежище”, Близна оживляется. Сердце начинает колотиться в груди, он ускоряет шаг, следуя его ритму. Шимон ухмыляется.

– Куда ты так несешься, Молодой?

Они приближаются к каменному заборчику. Шимон показывает Близне, где находится замок и как его открыть.

– Видишь? Полная прозрачность как доказательство серьезных намерений.

– Ты жениться на мне собрался?

– Очень смешно. Мне реально нужен хороший варщик. А заебоны Юго начали меня доставать. Он туповат, жадноват и в конечном итоге запрет все дело.

– Ладно. Видно будет.

Они входят в бункер. У Близны перехватывает дыхание.

Он в Убежище.

Не в мечтах, не во сне – в реальности. Он кусает щеки изнутри, чтобы убедиться, что не спит. Во рту появляется вкус крови. Значит, Убежище существует. Здесь все именно такое, как он себе представлял. Побеленные бетонные стены. Небольшие помещения с простой и прочной мебелью из стекла и металла. Зеленовато-голубой свет ламп. Близна проводит ладонью по стенам. Ровные и безупречно белые, словно их красили совсем недавно.

– Здесь никто никогда не жил, – говорит Шимон.

– Как ты узнал про это место?

– Неважно... Того, кто мне его показал, давно нет на свете. Посмотри, тут есть пара свободных помещений. В них можно сделать лабораторию. Вытяжка хорошая, вони не будет.

В подтверждение своих слов Шимон закуривает. Дым уходит в вентиляцию без следа, воздух в комнате по-прежнему чистый и довольно свежий. Когда сигарета догорает до фильтра, Шимон хочет кинуть окурочек на пол, но Близна останавливает его – забирает окурочек, тушит его о подошву и сует в карман куртки. Оставлять здесь мусор кажется неправильным – как и делать из Убежища притон. В мире все изгажено людьми: повсюду валяются окурочки, использованные шприцы и презервативы – пусть хотя бы одно место останется нетронутым. Близна не может себе представить, чтобы в Убежище раздавались стоны Юго и звуки ударов тела о тело. Здесь должно быть тихо и пусто, словно даже призраки покинули это место.

– Так что? – спрашивает Шимон. – Переберешься сюда?

Близна знает, что это невозможно. Его желания никогда не сбывались; его подарками на Рождество были пинки и свист ремня, рассекающего воздух, прежде чем обрушиться на согнутую спину. А ведь сегодня даже не Рождество, чтобы ворота рая открылись перед ним.

– А как же Юго?

– Юго нам не нужен. Я говорил тебе: от него ничего, кроме неприятностей, не жди. Ладно, пошли отсюда.

Близна не хочет уходить. Он должен запомнить каждую деталь, чтобы потом оживлять Убежище в памяти с доскональной подробностью. Он проводит ладонями по гладким стенам, делает глубокий вдох, чтобы унести часть здешнего воздуха в легких.

– Еще минуту.

Он прислоняется спиной к стене, чувствует, как бетон холодит плечи и затылок. Когда-нибудь он сможет остаться здесь навсегда. Но пока для этого слишком рано. Сейчас он должен вернуться в сквот, продолжать варить “синтетику” для Шимона и слушать сквозь тонкую стенку, как Юго долбит полубесчувственную, безразличную Псину. Мысль об этом заставляет его поморщиться.

– Окей, – говорит Близна. – Пошли.

Они проходят и проезжают тот же путь в обратной последовательности, словно кто-то нажал кнопку перемотки на видеомагнитофоне. Даже песня в магнитоле та же самая:

Hello hello hello how low

Hello hello hello how low

Hello hello hello how low

Их встречает Юго. Он с подозрением разглядывает их, приподняв выбритую полосками бровь, но не задает вопросов о том, что за дела могут быть у его напарника с Шимоном. Вместо этого он спрашивает дилера:

– Что с A(II)Rh+? Берешь?

Он мотает головой.

– Не. Извини. Не моя тема. Ладно, – он хлопает Близну по плечу, жмет руку Юго, – еще куча дел. Надо ехать.

Когда Шимон уходит, Близна хочет уйти в комнату, но Юго заступает ему дорогу.

– Где вы были?

– Шимон показывал мне место для новой лаборатории.

– А почему без меня?

– Ты где-то шароебился, как всегда.

Юго ухмыляется, достает из пачки сигарету, хлопает себя по карманам в поисках зажигалки. Близна протягивает ему свою.

– Не “шароебился”, а искал альтернативные каналы сбыта. Скоро мы избавимся от Шимона. Он мутный. Про него говорят, он сильно разбавляет товар.

– Не гони пургу. Шимон свое дело знает.

– А я тебе говорю, нам не нужно лишнее звено. Он – пятое колесо в телеге. Ты с ним или со мной?

Он пожимает плечами. Юго создал его. Как он мог бы его оставить?

– С тобой.

– Хороший мальчик. – Юго проводит по стриженной голове Близны костяшками пальцев и смеется. – Мы и “вторую положительную” продадим, вот увидишь.

Близне не нравятся идеи Юго, но он не спорит. В конце концов, никто никогда не интересовался его мнением. Он не сможет отговорить Юго от того, что тот задумал, так что не стоит тратить силы.

Близна уходит в комнату, ложится на матрас и долго вглядывается в карту пятен на потолке, пока глаза не слипаются и бетонные стены Убежища не смыкаются вокруг него.

Прошлое: Близна

Шимон и Псина приходят ночью, когда Близна уже спит. Он просыпается от звука шагов на лестнице: быстрая поступь Шимона и шарканье Псины, звуки падения, возня, сдавленная ругань – и вот, в дверном проеме появляются два темных силуэта. Щелкает выключатель, и комнату заливают слепящий свет. Близна приподнимается на локте, шурится, прикрывая глаза ладонью.

– Хуле надо?

Шимон толкает Псину вперед – она не держится на ногах и падает на колени перед матрасом Близны, смотрит на него снизу вверх. Ее челюсть мелко дрожит, слышно, как стучат зубы. Все ее тощее тело ходит ходуном, она обхватывает себя руками, растирая ладонями белую, покрытую разноцветными пятнами кожу. Шимон стоит за ее спиной.

– Эту тварь кумарит. Вмажь ее.

Близна недовольно морщится, но без возражений встает и идет в комнату, где лежит товар. Что-то не так, но спросонья он не может понять что именно. Из-за стенки слышно поскуливание Псины.

Товара нет.

Близна перерывает все: переворачивает матрасы, раскачивает доски в полу, перетряхивает ящики – но в сквоте не осталось ни грамма “синтетики”. В комнате Юго пусто.

– Блядь! – орет Близна так, чтобы за стенкой слышали, и пинает матрас. – Товара нет!

– Что?! – орет в ответ Шимон. Слышны его шаги и голос Псины:

– Не уходи!

– Да блядь, отцепись ты! Все, все, бля, я здесь, успокойся...

Близна продолжает искать, хотя знает, что ничего не найдет. Он вспоминает, что Юго хотел найти новые каналы и даже что-то говорил о намечающейся крупной сделке, но как раз в тот день Близна принял “вторую положительную” и не запомнил ни слова. Воспоминания настолько смутны, что он не уверен, не приснился ли ему этот разговор. Он возвращается к Шимону и Псине.

– Товара нет, – повторяет Близна.

– Что значит “нет”? – визжит Псина. Ее трясет так, что кажется еще чуть-чуть – и она превратится в размазанные полосы, как изображение в испорченном телевизоре.

– Юго все забрал.

Шимон сплевывает на пол, мотает головой, словно не верит своим ушам.

– Ссука...

Псина раскачивается вперед-назад, тихо подвывая.

– Дай вмазаться, – говорит она. – Можешь меня выебать. Хочешь? Хочешь меня ебать?

Она резво вскакивает на ноги, стаскивает колготки, задирает платье.

– Можешь меня выебать, только вмажь, слышишь?

Шимон хватает ее за плечи, кричит ей в лицо:

– У него ничего нет! Его ебнутый дружок все забрал!

Псина смеется, качает головой:

– Нет... Нет, он шутит... Это прикол... Сейчас... сейчас он достанет...

– Ни хуя он не достанет! – Шимон одергивает ее платье, так резко, что ткань трещит. –

Товара нет!

Она продолжает хихикать, смотрит на Близну.

– Скажи ему, что это прикол...

– Это не прикол. Здесь ничего нет.

Шимон переводит взгляд на Близну. Теперь на него уставлено две пары глаз, и он пятится к стене, словно в поисках опоры. Шрамы на спине начинают отчаянно чесаться.

– Я тебе говорил, блядь? Я. Тебе. Говорил? Все, помаши товару ручкой! – Шимон поворачивается к Псине: – Пошли отсюда. Здесь голяк. И наверняка скоро придут легавые.

Близна хмурится.

– Что? Почему они должны прийти сюда?

– Потому. Юго думает, он самый умный. Легавые любят таких ебанатов. Слышал что-нибудь о контрольных закупках?

Псина сползает на пол, говорит:

– Я никуда не пойду. Наверняка тут что-то осталось. Близна, пощи. Я знаю, что-то должно быть...

Шимон вздергивает ее за шиворот, ставит на ноги, ткань платья трещит и все-таки рвется.

– Я сказал, пошли!

Из ее глотки вырывается вопль, в котором все: боль от ломки, злость, отчаяние – будто кричит та, кем она была до того, как превратилась в Псину.

– Я никуда не пойду!

Шимон с оттяжкой бьет ее по лицу, она снова падает на колени, сжимается в комок на бетонном полу, закрывая голову руками.

– Тварь... Я на испытательном сроке; если меня примут, закатают по полной...

Близна слышит, как кто-то бежит по лестнице. Несколько мужчин в тяжелой обуви. Он не успевает даже шевельнуться – замирает на месте, повторяя про себя: “Блядь. Блядь”.

Они врываются в сквот, кричат:

– Полиция, лицом к стене, руки за голову, ноги на ширину плеч! Быстро, суки, быстро!

Их трое. Один совсем мальчишка с едва пробивающимися усиками и в очках с прямоугольными стеклами – разве полицейские носят очки? Двое других – крупные бритые наголо мужчины, похожие как братья.

Близна встает лицом к стене, делает, как было сказано. Он ожидал, что рано или поздно это произойдет, поэтому стоит спокойно, разглядывая стену с облупившейся краской. Его не пугает перспектива оказаться в тюрьме: это не хуже жизни с родителями или варки “синтетики” – просто еще одно место, где он может оказаться.

Воздух за его спиной дрожит от напряжения, слышны завывания Псины, ругань Шимона, окрики полицейских – все это смешивается в единый монотонный звук, гудящий глубоко в черепе. Возможно, это последствия приема A(II)Rh+.

– Я тут вообще не при делах, – говорит Шимон. – У меня ничего нет.

Он стоит рядом, и Близна отчетливо чувствует, как его бьет дрожь. Из уверенного, нагловатого дилера он превращается в перепуганного двадцатилетнего мальчишку, которому предстоит провести в тюрьме ближайшие десять лет.

– Имя! – орет один из “братьев” Близне в ухо.

– Близна.

– Настоящее имя, сука!

Псина рядом повторяет:

– Мне нужен укол... дайте уколоться, сволочи, ублюдки, вы не видите, блядь, я подыхаю...

Ломкий неуверенный голос кричит:

– Заткнись! Заткнись! – в конце окрика он превращается в визг.

Все происходит мгновенно. Близна поворачивается к полицейскому, который спрашивал его имя, и видит через его плечо, как Псина кидается к шприцу, закатившемуся в угол. Бог знает, как она его углядела; он все равно пустой – но в ее воображении он заполнен вожаденным раствором до самых краев. Крики, топот тяжелых ботинок.

– Стой на месте, блядь!

Мальчишка-полицейский рывком вытаскивает пистолет, целится в Псину. Шимон срывается с места, несется в сторону выхода, задевает Близну плечом. В это мгновение раздается выстрел, второй, третий.

– Охуел?! – кричит кто-то.

Грудь Близны прошивает боль, он падает на колени, упирается руками в стену, но от этого еще больнее. Он откидывается на спину и встречается взглядом с лежащим на полу Шимоном. Его взгляд ничего не выражает, открытые глаза – словно матовое стекло. Озерцо крови становится все шире и шире, кровь растекается по бетону, в ней тонут столбики сигаретного пепла, обрезки волос, крошки чипсов. Псина бьется в руках одного из полицейских, визжит, но ее голос все дальше и дальше, будто кто-то медленно убавляет звук.

Парень в очках сидит, прислонившись к стене, обхватив себя руками, словно ему очень холодно и он никак не может согреться. Его коллега сует ему сигарету в зубы, тот неумело затягивается, кашляет.

– Хуле ты стал в них палить?

– Она шприц взяла... Если бы она его воткнула в кого-нибудь? На нем столько заразы, я не хотел... А потом этот дернулся... Я не хотел... Не хотел! – Он кричит и плачет, сотрясаясь всем телом, очки падают на пол, но он этого не замечает. Бритый чувствительно хлопает его по щекам, пока он не замолкает и не упирается лбом в колени, пряча зарезанное лицо.

– Послал бог коллегу... А я говорил, что сопляку рано пока на задержания ездить, зеленый еще. Что с этими делать?

– Этого в морг... Этих двух в больницу... Притон, блядь... Два пацана и девка.

– Ты бы по-другому запел, если бы у тебя дети были. Недавно такого, как этот, – полицейский кивает на тело Шимона, – у Эвкиной школы взяли. Ссука... Они же детям это говно продают.

За окном слышны звуки сирены скорой помощи. Близна лежит на полу, разглядывая потолок. Может быть, он видит его в последний раз. Пятна на побелке танцуют и меняют цвета, словно лучи стробоскопа на дискотеке.

– Как там второй, не подох еще?

Над ним склоняется лицо полицейского: оно одновременно и далеко, и очень близко. Близна видит морщинки вокруг его глаз, чувствует запах табака. Потом резкость пропадает: все становится ярким и расплывчатым, как во сне.

– Не подох. Югослав сказал, молодой – варщик.

– Посмотри пальцы.

– Обожженные.

– Значит, точно варщик. Оставить бы его здесь, пока сам не зажмурится.

– Да и так дохуя бумажек писать придется.

На Близну накатывает усталость. Он закрывает глаза и проваливается в сон.

Он снова в Убежище. По-хозяйски проходит на кухню, наливает стакан воды из крана, выпивает залпом. Вода такая холодная, что ломит зубы. Он садится на стул, опускает голову в ладони, проводит пальцами по щетине на черепе и ждет. Ждет.

Близна приходит в себя в тюремной больнице. Здесь пахнет лекарствами и дезинфектантами, кто-то азартно режется в карты, орет радио. Кожа под бинтами чешется, грудь ноет тупой болью, которая становится резкой и острой от каждого движения. Глотка пересохла так, что можно душу продать за стакан воды. Близна окликает парня на соседней койке.

– Слышь...

Тот подскакивает и кричит в коридор:

– Эээй, сестричка! Сестричка! Тут жмур ожил!

Близна морщится. Слишком много людей и звуков. Не стоило оживать, чтобы здесь оказаться.

Близна

Он входит в ее комнату. Ему кажется, что он крадется, ступая по-воровски бесшумно, – и он злится на самого себя за это. Она уже переделалась в ночную рубашку и заплела волосы в косу; при каждом движении под бледной обнаженной кожей проступают хрупкие позвонки – он знает, что если прикоснуться к ним губами, Ива сладко застонет, содрогаясь в его руках. Он загадывает, что если она услышит его и повернется, он уйдет. Но она не слышит – или притворяется, что не слышит. Он оказывается за ее спиной, она поворачивается, и их лица оказываются совсем близко. Ива смотрит на него, не отрываясь; губы слегка приоткрыты, грудь медленно поднимается и опускается от тяжелого, глубокого дыхания.

– Ты чувствуешь это? – спрашивает Ива шепотом.

Он чувствует. Ее запах, ее тепло, ее близость. Ее возбуждение. Он снова сделает ее своей этой ночью. Вне сомнений. Она прижимается к нему всем телом, сцепляет пальцы в замок за его спиной. Он целует ее шею, чувствуя, как кровь толчками несется по артериям. Ива стонет, закатывает глаза и шепчет:

– Я падаю, боже, я падаю.

Она дрожит всем телом – словно, на самом деле, может упасть. Он ведет ее к стене, подхватывает под бедра, поднимает на руки – их лица теперь на одном уровне, он может ловить ее дыхание и выпивать его без остатка. Она прикусывает его губы, он касается языком щелки между ее зубами – прекрасный изъясн безупречной Ивы, трещинка в панцире ее совершенной красоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.